

ИБИС

**Альманах
№ 40**

- **Этика**
- **Эзотерика**
- **Литература**
- **Философия**
- **Медицина**
- **Наука**

В Древнем Египте один из аспектов бога Тота изображался с головой птицы ибис, с пером и табличкой писца, и птица ибис стала считаться священным писцом богов, записывавшим мысли, слова и деяния людей и взвешивавшим их на весах. В дальнейшем она стала символом мудрости бога Тота, его проницательности и чистоты.

Треугольные крылья ибиса символизируют первую геометрическую фигуру и триипостасность тайны. Ибис также символизирует человеческий аспект бога Тота — Гермеса Трисмегиста.

*Редактор,
бывший жрец храма Амона-Ра
в Древнем Египте при Тутанхамоне,
бывший первосвященник Дании и Швеции,
бывший священнослужитель монастыря в Пиренеях,
бывший священник католического костёла в Польше,
и т.д., и т.п.*

Содержание:

Номер файла:

● 1-я страница обложки	01
● 2-я страница обложки	02
● Эпиграф к журналу	03
● Сначала прочтите это	04
● Портрет	05
● Настоящая литература! <i>Анат. Рыбаков, "Прах и пепел" —</i> <i>повесть о временах сталинизма. Глава 24</i>	06
● 1001 случай криминала: <i>легко усматривается эзотеричность</i>	07
● Нравы правоохранителей Украины: <i>Андрей КУДИН, «Тюрьма»</i> <i>(публикация книги)</i>	08
● Главы из новой книги крупнейшего джазмена России <i>Алексея Козлова «Козёл на саксе»</i>	09
● "Оккультный мир" (<i>выдержки из книги</i>) — <i>А.Синнет (1881)</i>	10
● Теософский словарь	11
● Сатирофантазия Татьяны ТОЛСТОЙ "Кысь": <i>о нашем времени</i> <i>и ближайшем будущем?.. (продолжение)</i>	12
● "Альтист Данилов" (<i>глава 37</i>)	13
● Продолжение "Альтиста Данилова": <i>"Шеврикука, или Любовь</i> <i>к привидениям" (глава 25)</i>	14
● <i>Философема</i>	15
● <i>Цитата номера</i>	16
● 3-я страница обложки	17
● 4-я страница обложки	18

**"Самого себя как целого
можно достичь только если
полностью понимаешь, что
обычный мир — это просто
точка зрения, независимо от
того, принадлежит ли она
обычному человеку или магу.**

*** * ***

**После целой жизни
борьбы я знаю, что по-
настоящему важным является
не просто научиться новому
описанию мира, но прибыть к
нему целым: следует прибыть
к нагуалю, не покалечив
тоналя, и превыше всего — не
покалечив своего тела."**

Дон Хуан
*(К. Кастанеда,
"Сказки о силе")*

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ:

Каждой рубрике журнала обычно соответствует её постоянная картинка, расположенная слева от названия и в той или иной степени отражающая содержание этой рубрики. Например, изображение кадуцея придано рубрике "Медицина", изображение строения атома — рубрике "Наука", и так далее. Но иногда названия рубрики вынесены в верхний колонтитул и картинку имеют стандартную — трёхлепестковое пламя над чашей. Поэтому если вместо картинки при рубрике вы увидите что-то другое, значит, стоящая на Вашем компьютере версия Виндоуза или Ворда не та, или таких рисунков в Вашей машине нет, или что-то ещё, и т.п. Мы, со своей стороны, всё проверяем — и не хуже военной приёмки...

Ниже примеры стандартных рисунков при стандартных рубриках, которые (рисунки) могут быть не видны: № 1 — золотой христианский крест; № 2 — красный автомобиль скорой помощи и кадуцей.

№ 1:

№ 2:

В папке FONTS или в файле «шрифты» прилагаем некоторые применённые нами шрифты и советуем их загрузить в папку FONTS Вашего Виндоуза.

Желаем чёткой работы.

**Портрет
главного редактора...**

Анатолий РЫБАКОВ

Прах и пепел

Повесть о временах сталинизма

От редакции: вниманию читателей предлагается НАСТОЯЩЕЕ произведение, созданное НАСТОЯЩИМ писателем и НАСТОЯЩИМ интеллигентом, и уж кстати — настоящим москвичом. Анатолий Наумович Рыбаков известен по многим написанным им прекрасным книгам, начиная от "Кортика" и кончая "Детьми Арбата". В данном произведении продолжают действовать, наряду с другими, уже ставшие взрослыми персонажи "Детей Арбата".

Москвич с Чистых Прудов

До занятий оставалось два часа. Саша и Глеб зашли на почту, там получали письма до востребования. Глебу тетушка писала редко, а Саше пришло письмо от мамы — письмо спокойное. Саша уже несколько раз посылал ей деньги, она ему выговаривала за них, боялась - от себя отрывает, но понемногу укреплялась в мысли, которую Саша ей внушал: всё у него в порядке, в Уфе остался потому, что квартира лучше, заработок больше.

Стоя у окна, Саша читал мамино письмо. Глеб болтал с девушками, сидевшими за барьером, все знакомые: в прошлом году занимались в их группе, хорошая была группа, веселая. Саша опустил письмо в карман, поднял глаза. И в эту минуту к окошку, где выдавали почту до востребования, подошла высокая женщина в черном пальто и темно-сером берете, протянула паспорт. Что-то знакомое показалось Саше в промелькнувшем лице; он не отрывал от нее взгляда. Она стояла, наклонившись; девушка за барьером, держа в одной руке паспорт, другой перебирала письма в ящике. Захлопнула паспорт, вернула - писем нет.

Женщина выпрямилась, повернулась. Бог мой, Лена Будягина!

- Лена!

По-прежнему красивая, матовое удлиненное лицо, чуть вывернутые губы - "левантийский профиль", как говорила про нее Нина Иванова. Но глаза усталые, и в них что-то новое, суровое.

Она посмотрела на него чуть исподлобья. Этот с детства знакомый взгляд напомнил ему их класс, их школу, их дружную компанию, пахло Арбатом.

- Здравствуй, Саша, рада тебя видеть.

Сказала спокойно. Не было удивления от того, что они так неожиданно встретились. А ведь не виделись пять лет. Может быть, знает, что он в Уфе?

Подошел Глеб. Улыбнулся Лене, сверкнув белыми зубами. И Лена наконец улыбнулась. Улыбка вежливая, не застенчивая, как прежде. Саша их познакомил: Лена - соученица по школе, друг детства и юности. Глеб - ближайший товарищ.

Они пошли по улице втроем. Саша расспрашивал ее о Москве, о друзьях, давно ли в Уфе. Она отвечала односложно: в Уфе уже полгода. Друзья? Макс в армии, Нина вышла замуж, куда-то уехала, Вадим как будто в Москве. Была сдержанна, ни одной фамилии, только имена, ни слова о Шароке, а ведь он отец ее ребенка; ни слова о том, куда уехала Нина, а уехала она на Дальний Восток к Максиму: Саша знал это от мамы. И Макс ныне Герой

Советского Союза, это напечатано в газетах. Однако Лена не уточняет, о каком именно Максе идет речь, ни слова о своих родителях и о том, почему оказалась в Уфе.

Они подошли к автобусной остановке.

- На какой тебе? - спросил Саша.

Она взглянула на табличку, там было обозначено три маршрута. Помедлив, ответила:

- Безразлично, любой годится.

Любой ей никак не мог годиться, они шли в разные стороны.

- Может быть, дашь свой адрес, я заеду к тебе, - сказал Саша.

- Нет, я живу очень далеко. Могу заехать к тебе, или мы можем где-нибудь встретиться: видишь, уже весна, тепло.

- Хорошо. Запиши мой адрес.

- Я запомню.

Он назвал адрес, договорились о дне и часе. Лена села в подошедший автобус.

- Красивая, - проговорил Глеб задумчиво, - осторожная.

- В школе была красotka номер один, - сказал Саша. - Осторожная? Кто теперь не осторожный? Она знает, что пять лет назад меня арестовали, выслали, теперь вдруг увидела в Уфе. В каком положении я сейчас - ей неизвестно.

Он доверял Глебу во всем, но доверял свое, а тут чужое. Может быть, Лена живет под другой

фамилией, могла ведь и выйти замуж. Не будет пока ничего о ней рассказывать.

- Дорогуша, она ведь из-за меня осторожничала. И правильно: кто я такой, может быть, мы с тобой оба сбежали из Сибири? Смылась от нас на первом попавшемся автобусе. Говорю не в осуждение, а, наоборот, в одобрение. Видно, не все в вашей школе выросли такими лопухами, как ты.

- Вот и прекрасно, - сказал Саша, - давай газетку посмотрим.

- Чего смотреть, съезд да съезд.

Но остановился с Сашей у стенда с газетами.

Уже который день все газеты были заполнены отчетами о XVIII съезде партии. Одно и то же, одно и то же... Доклады, выступления, приветствия, здравицы в честь товарища Сталина, бурные аплодисменты.

Но вот речь писателя Шолохова. Саша ее прочитал. Сказал Глебу:

- А ну-ка, посмотри...

И Глеб стал читать:

- "...Советская литература, избавившись от врагов, стала и здоровее и крепче... Мы избавились от шпионов, фашистских разведчиков, врагов всех мастей и расцветок; но вся эта мразь, все они, по существу, не были людьми... Это были паразиты, присосавшиеся к живому, полнокровному организму советской литературы... Очистившись, наша писательская среда только выиграла..."

— Нет, - сказал Глеб, - не могу читать. Тошнит. Пошли!

- Читай, страна должна знать своих героев!

- "...Так повелось, так будет и впредь, товарищи, что и в радости и в горе мы всегда мысленно обращаемся к нему, творцу нашей жизни. При всей глубочайшей человеческой скромности товарища Сталина придется ему терпеть изливания нашей любви и преданности ему (аплодисменты), так как не только у нас, живущих и работающих под его руководством, но и у всего трудящегося народа все надежды на светлое будущее человечества связаны с его именем. (Аплодисменты)". — Слушай, зачем мне все это читать? Пошли! - повторил Глеб.

- Ладно, пойдем. Что скажешь?

- Холоп!

- Но ведь написал "Тихий Дон", великий роман.

- В двадцатых годах его авторство ставилось под сомнение, даже была создана специальная комиссия.

- Я что-то об этом слышал.

- Мне Акимов рассказывал. Автором был какой-то белый офицер — кажется, Фёдор Крюков. Но разве могли такое признать?! Что ты, дорогуша?! А тут свой, станичник, из народа. Но если "Тихий Дон" - гениальный роман, то его автором не может быть холоп. Как сказал твой любимый Пушкин, дорогуша, гений и злодейство - две вещи несовместные.

- Не всякий гений может преодолеть страх. И Шолохов все-таки не гений.

- Топчет расстрелянных товарищей, это что - страх?

- Да, страх.

- Нет, дорогуша, это наше российское холопство. Холоп перед барином пресмыкается, а другого холопа по барскому приказу забивает кнутом насмерть. Все холопы, сверху донизу, весь "великий советский народ", о котором вы, интеллигенты, говорите с придыханием.

- Интеллигент - плохо, народ - плохо, кто же ты сам?

- Я, дорогуша, тоже холоп, стою на ушах, как и все. Расскажу тебе то, что видел своими глазами. Хочешь?

(продолжение предполагается)

1001 смерть

А.П.Лаврин¹

Особое место среди американских убийц занимают фанатичные поклонники знаменитостей. Большинство звезд кино и рок-музыки вынуждены из-за этого нанимать телохранителей - даже такой "супермен" как Сильвестр Сталлоне (Рембо).

Самые известные в США убийцы-фанатики - это Марк Дэвид Чапман, застреливший экс-битла Джона Леннона (см. статью "ЛЕННОН" в разделе "Как умирали известные люди") и Роберт Бардо, убивший восходящую звезду американского кино Ребекку Шеффер. Увидев однажды актрису в телесериале "Моя сестрица Мэм" (это было в 1987 г.), Роберт влюбился в нее и стал писать ей письма. Возвышенные, романтические, полные юношеской непосредственности. Конечно, писали Ребекке Шеффер многие, но Роберт Бардо был самым упорным. Он слал ей письма два года подряд (на адрес телестудии) и, конечно, такая преданность заслуживала поощрения. Актриса послала поклоннику свою фотографию с надписью-автографом "Моему дорогому Роберту". Конечно, без обратного адреса. Но Роберт Бардо, приведенный фотографией в состояние экстаза, разыскал его

¹ Продолжение.

сам. Как и у многих одержимых, ум его работал четко и хладнокровно, когда нужно было замаскировать свои намерения. Он сумел не вызвать подозрений у агента частного сыскного бюро и, благодаря этому, получил домашний адрес своего кумира. Ну, а дальше всё было так, как и в случае с Джоном Ленноном. Приехав в Западный Голливуд, Роберт принялся отыскивать дом, где жила Ребекка.

"Держа в дрожащих руках фотографию Ребекки, Бардо спросил нескольких случайных прохожих, не видели ли они эту девушку, - описывает журнал "Мир звезд" конец этой истории. - Его странноватый вид и возбужденные глаза, видимо, отпугнули тех, к кому он обращался, и Бардо проблуждал еще два часа, сжимая в руках свою таинственную папку. Наконец, словно почувствовав, что он вышел на след, он зашел в телефонную будку и позвонил сестре, чтобы сказать короткую фразу: "Я скоро покончу с этим". Увы, ее трагический смысл выяснится слишком поздно.

В начале одиннадцатого Ребекка готовилась к назначенной на одиннадцать встрече с легендарным Фрэнсисом Фордом Копполой, предложившим ей роль в новой, третьей части "Крестного отца". Домофон не работал (да, такое бывает и в Америке!!! - А.Л.), и она пошла открыть сама безо всяких опасений: ведь Фэрфакс снискал себе репутацию спокойного района, где нет даже подростков, торгующих наркотиками. Едва она подошла к двери, успев

лишь заметить через стекло силуэт незнакомого мужчины, как Бардо выхватил из папки пистолет и выстрелил ей прямо в грудь. Смертельно раненная, актриса рухнула на пол, закричав от боли и ужаса.

Потрясенный тем, что он совершил, Бардо кинулся прочь с места преступления, швырнув на ходу под дерево свой "Магнум" (пистолет. - А.Л.), а на крышу соседнего дома книгу. Это был роман Сэлинджера "Выше стропила, плотники". Тот же роман имел при себе и убийца Джона Леннона...

Сестра Бардо, увидев вечером по телевидению репортаж о смерти актрисы, обратилась в полицию, встревоженная страшной догадкой. Его задержали на следующий день - полуобезумевшего, бегущего куда-то по одной из автострад Аризоны...

За два года до этого убийства Роберт Бардо (ему было тогда 15 лет) увлекся Самантой Смит - знаменитой девочкой, которую пригласил в СССР советский лидер Андропов. Роберт добрался до дома Саманты, был задержан полицейскими и отпущен после выяснения его личности. Дождаться Саманты ему не удалось - через несколько дней девочка погибла в авиакатастрофе. Авиакатастрофа, возможно, спасла Саманту от убийцы, но привела потом к гибели Ребекки Шеффер.

Безусловно, из США следует ждать новых сообщений об убийцах-поклонниках. Ведь невозможность обладания кумиром зачастую

подсказывает психически неуравновешенным людям слишком "простой" выход. Тем более, что вокруг так много прецедентов...

Мало кто из известных убийц-маньяков раскаивается в совершённом, и все они, как правило, цепляются за малейшие возможности остаться в живых. А вот Кароль Коул (штат Невада), убивший пятерых женщин, после приговора суда (смертная казнь) отказался подавать апелляцию и вообще встречаться со своими адвокатами. Он счел наказание заслуженным и сказал, что желает смерти. А свой мозг после смерти он завещал ученым, чтобы они могли исследовать его и выяснить, как и почему возникла в его мозгу аномалия, сделавшая его убийцей. Что ж, по-своему благородный поступок. Коула казнили путем введения в вену яда. Американская пресса писала о том, что из-за маленького роста Коул не смог сам залезть на нары, к которым его должны были привязать для исполнения приговора, и сотрудник тюрьмы деликатно помог ему это сделать.

А один американский убийца стоит особняком. Роберт Страуд прославился не убийством, за которое он в 1909 г. попал в тюрьму и был осужден на пожизненное заключение, а тем, что, сидя в тюрьме, стал известным ученым-орнитологом. В 1942 г. Страуда перевели в знаменитую тюрьму

Алькатрас, находящуюся на острове. Птицы, которых видел заключенный из окна камеры, породили у него не только мечту о крыльях, но и желание досконально изучить жизнь пернатых. Страуд занялся самообразованием, запросил у тюремной администрации книги по естествознанию, стал вдумчиво и планомерно изучать жизнь и строение птиц. В итоге он написал две книги о птицах, получившие высокие отзывы ведущих орнитологов мира. И сам Страуд стал известен далеко за пределами тюрьмы.

О Птичнике (такое прозвище он получил в тюрьме) сняли фильм, многие видные общественные деятели обращались к представителям американской Фемиды с просьбой об освобождении талантливого ученого, но правосудие решило не отступать от принятого десятилетия назад решения. Страуд так и умер в тюремной камере.

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ

"Самое ужасное преступление столетия в Новой Зеландии" - так назвала полиция прибрежного новозеландского местечка Арамоана неспровоцированное убийство местным 33-летним безработным Дэвидом Малькольмом Греем своих соседей. Его жертвами стали 13 человек, 11 из которых скончались. Двух детей, которых удалось

вынести из зоны обстрела, прооперировали в больнице.

Свою кровавую охоту Грей начал вечером 13 ноября 1990 г. с поджога одного из домов и продолжал ее всю ночь до рассвета. Старший сержант местной полиции Билл О'Брайен свидетельствует, что убийца был вооружен двумя крупнокалиберными ружьями, одно из которых с оптическим прицелом, и револьвером. Около 140 полицейских, включая специальный отряд по борьбе с террористами, были переброшены в район Арамоаны для того, чтобы обезвредить маньяка. Утром 14 ноября Дэвид Грей был убит в перестрелке с полицией.

ФРАНЦИЯ

Франсуа Кенигштейн (Равашоль) (1849-1892). Этот хладнокровный и циничный уголовник, сын рабочего-металлурга, уловив модные веяния века, ловко выдавал себя за революционера-анархиста. Но характер его преступлений не оставляет никаких сомнений в том, что целью Кенигштейна-Равашоля была лишь нажива. Правда, справедливости ради надо сказать, что и все идеи революционной переделки мира, в концов концов, также сводятся к заурядному грабежу.

Итак, что же натворил Кенигштейн?

Имея профессию красильщика, он в 37 лет бросил работу и стал промышлять воровством и контрабандой. 19 июня 1891 г. он задушил

старика-отшельника в Форезских горах и похитил 35 тысяч франков. 27 июля того же года ударами молотка он повторил преступление Раскольникова - убил двух женщин - владельцев скобяной лавки в Сент-Этьене. Затем он связался с анархистами и занялся изготовлением бомб и организацией взрывов. Так, с его помощью были произведены взрывы в доме № 136 по бульвару Сен-Жермен и в доме № 32 на Рю-де-Клиши в Париже.

Ряд взрывов, происшедших в Париже в 1892 г., накалил обстановку в столице Франции до предела. В этот момент редактор газеты "Ле Голуа" Жарзюэль получил приглашение встретиться с неуловимым Равашолем - разумеется, тет-а-тет. В погоне за сенсацией Жарзюэль не сообщил полиции о встрече и не дал в газете описания внешности Кенигштейна (преступник взял с него слово об этом). Он только привел монолог псевдоанархиста: "Нас не любят. Но следует иметь в виду, что мы, в сущности, ничего, кроме счастья, человечеству не желаем. Путь революции кровав. Я вам точно скажу, чего я хочу. Прежде всего - терроризировать судей. Когда больше не будет тех, кто нас сможет судить, тогда мы начнем нападать на финансистов и политиков. У нас достаточно динамита, чтобы взорвать каждый дом, в котором проживает судья..."

По счастью, после этого интервью Равашоль недолго гулял на свободе. Через два дня, 30 марта 1892 г. во время обеда в ресторане он вел

себя слишком подозрительно, и хозяин вызвал полицию. При задержании преступник оказал бешеное сопротивление, но все же был схвачен. По дороге в полицию он вопил во всю глотку: "Братья, за мной! Да здравствует анархия! Да здравствует динамит!"

На суде Равашоль отрицал, что "благородный" анархист Равашоль и подлый убийца старика-отшельника Кенигштейн одно и то же лицо. Судьи, запуганные очередными взрывами (в том числе ресторана, где был арестован Равашоль), вели себя весьма скованно. Но затем Равашоля перевезли для суда в департамент Луара в Монбризоне. Там судьи не были так запуганы, как в Париже, председательствовал же месье Дарригон из Лиона. Благодаря системе антропометрических измерений Бертильона Равашоль был изобличен. Когда он это понял, то перестал скрывать свои уголовные преступления.

Кенигштейна-Равашоля приговорили к смертной казни. 10 июля 1892 г. его повели на казнь. По дороге он непрерывно распевал: "Хочешь счастливым быть - вешай своих господ, а попов кромсай на кусочки". Перед тем, как положить голову на гильотину, он успел крикнуть: "Вы, свиньи, да здравствует революция!"

(продолжение предполагается)

Андрей КУДИН

КАК ВЫЖИТЬ В ТЮРЬМЕ

Предисловие редактора

«Как выжить в тюрьме», может знать только тот, кто долго там был. Упаси нас Господь от этой доли — осмелюсь я возразить общеизвестной поговорке «от суммы да от тюрьмы не отказывайся».

Художественной ценности книга А. Кудина не представляет, и мы публикуем её только как зарисовку современных правоохранительных нравов на (или «в»?) Украине, а также потому, что сейчас конец лета и интересные авторы с их возможными статьями — в отпусках.

*** * ***

Камеру разбросали. В некотором смысле мне повезло - я переехал в другую хату вместе с Григорием Степановичем, известным финансистом лет шестидесяти, чье материальное благополучие многим не давало спокойно спать. Дядя Гриша оказался на

редкость проницательным человеком. Он словно прочитал мои мысли:

- У каждого своя дорога домой. Юра сделал свой выбор, мы сделали свой. Нужно держаться.

Я это и так понимал. Выйти на свободу с наименьшими потерями, со здоровой психикой и в отменной физической форме - вот задача, которая стояла передо мной. Юре тюрьма не понравилась, и он своего добился - покинул тюремную территорию. Как бы там ни было, а он уже на свободе.

Я сидел на нарах, медленно перебирая четки, сделанные из тюремного хлеба, и напряженно думал, всматриваясь в лица сокамерников. Неужели всем нам суждено вот так, как Юра, покинуть тюремные стены?

Слова дяди Гриши вывели меня из оцепенения. Я четко осознал - мой путь другой. Суицид - удел людей со сломленной волей или просто больных. Мой путь - это путь жизни вне зависимости от того, что и кто будет меня окружать.

Да, неприятно видеть мертвым того, с кем разговаривал за несколько минут до того, как все случилось. Особенно, когда превращение живого человека в мертвеца происходит у тебя на глазах. Смерть любого живого существа всегда неприятна, и привыкнуть к ней невозможно. Смерть - всегда боль, острая, пронзительная, разрывающая в клочья

безмолвным криком барабанные перепонки. Абстрактные размышления о том, что смерть является неотъемлемой частью жизни, в реальности оказываются совершенно бесполезны, когда видишь её перед собой.

За тюремной решеткой нервы натянуты до предела. Любое неосторожное слово или действие может привести к взрыву среди заключенных. Что уж говорить, когда кто-либо из пассажиров, пусть добровольно, но уходит из жизни... Я видел это и понимал, что не имею права терять контроль над собой, что любая суэта выматывает и ослабляет, что нельзя делать непродуманные шаги, а мозг обязан работать четко и ясно. Мне была жизненно необходима хорошо продуманная и, главное, применяемая на практике программа выживания в экстремальных условиях тюремного заключения. Как оказалось, ни в тюрьме, ни, тем более, на свободе её не существовало. Каждый действовал интуитивно, периодически разбивая лоб об одни и те же стены, хотя, обладая элементарным пониманием происходящего, этого можно было бы без труда избежать. Выход напрашивался сам собой - раз такой программы нет, значит, нужно её создать самому.

Я рылся в прошлом, восстанавливая в памяти и анализируя любую информацию, связанную с выживанием в экстремальных ситуациях, вспоминая, как поступали известные мне люди, попав в переделку. Здорово

пригодился собственный армейский опыт, опыт заключенных со стажем и тех, кто успел побывать на фронте и в сталинских концлагерях. Что говорить - среди местной публики хотя и редко, но всё-таки встречались яркие и интересные люди.

Постепенно, разрабатывая программу выживания в столь специфичных условиях, я решил отклониться от первоначального плана и описать тюремную жизнь такой, какой я увидел её. Кое-где мне пришлось сознательно изменить факты и, конечно же, поменять имена, дабы невзначай не навредить тем, кто отбывает свой срок или продолжает творить чудеса на свободе.

Я часто думал, не отложить ли написание книги до выхода на свободу. Наверняка работа получилась бы значительно лучше и была бы написана более ровно и объективно. Однако это была бы уже совсем другая книга. К тому же, я не уверен, захочу ли после освобождения, пусть даже мысленно, возвращаться сюда.

Те, кто упрятали меня за решетку, приложили немало усилий, чтобы убить в сердце малейшую надежду на возвращение. Мне приходится писать, находясь в условиях глухой изоляции от внешнего мира, где переписка запрещена, любые книги (за исключением Библии) запрещены, а провокации, лжесвидетели и подтасовка фактов - неотъемлемые атрибуты тюремных будней. Это трудно понять тем, кто не побывал за решеткой. Далеко не случайно

бывалые заключенные не любят рассказывать о жизни в застенках, отбиваясь от назойливых вопросов желторотых юнцов избитой фразой: "Попадешь - сам узнаешь". В этом ответе есть свой смысл. Разве существуют в мире такие слова, которые смогли бы передать, что в действительности испытывает сидящий в тюремной камере человек, когда слышит поворот ключа в замке и удар металла о металл в тиши тюремного коридора?

Глава 1. ПЕРВЫЕ ДНИ

**"...На Украине человек не имеет никаких, даже самых элементарных прав на защиту. Его могут держать в райотделе столько, сколько посчитают нужным, без еды и без теплых вещей...
...Ежедневно сотрудники милиции безнаказанно калечат, пытаются и убивают людей. Без суда и следствия. Им глубоко наплевать - виновен "объект" или нет. Им сказали выбить показания и заставить человека признаться - вот они и стараются. Если "объект" женщина - могут и изнасиловать... А чего церемониться? По их логике - раз баба, то наверняка проститутка..."**

**"Робити я не хочу, а красти я боюся.
Пойду краще в Кийив - в мылицю наймуся"**

(устное народное творчество)

Если поздно ночью в твою дверь настойчиво постучали и на твой удивленный вопрос: "Кто там?" - незнакомый голос прогнусавил в замочную скважину слово: "Милиция", - не

рассчитывай увидеть у себя на пороге высокоинтеллектуальные лица из категории тех, какие показывают рабочему классу в сериале "Следствие ведут знатоки". Если бы не казенная форма и не конторские ксивы, трудно поверить, что именно эти homo sapiens, по идее, должны обеспечивать законность и порядок на территории украинского государства. Незваные гости почему-то невероятно похожи на тех, чьи описания красуются на страницах газет в разделе криминальной хроники.

Скорее всего, гостей будет человек пять в штатском и один, как положено, в милицейской форме, чтобы у окружающих не возникало сомнений в том, что именно они являются представителями законной власти. Обычно тот, кто в форме, - самый младший по званию. Его прихватили с собой, так сказать, для декорации. Он понятия не имеет, что происходит, в чью квартиру он вломился и для чего. Ему сказали: "Поехали", и он послушно побрел. Такое впечатление, что для него "все равно куда идти - лишь бы с вами по пути". Старший группы, из тех кто в штатском, одет получше, чем остальные, и всем своим видом показывает, "кто в доме хозяин", но и он чаще всего не понимает, что происходит на самом деле. Как правило, это также чистой воды исполнитель, которому поставлена конкретная задача, и он обязан её отработать.

Внешний облик представителей власти вызывает зависть и восхищение. Откормленные и не искалеченные мыслительной деятельностью физиономии пышут здоровьем и верой в завтрашний день. Глаза воровато бегают по сторонам, а наглый, самоуверенный тон собьет с толку любого интеллектуала. Обычно они изъясняются односложными предложениями на так называемом суржике, представляющем собой любопытную смесь недоученного русского и плохо выученного украинского языка. Скопировать их речь нормальному человеку не представляется возможным. Звезды эстрады, всемирно известные мастера разговорного жанра, и те теряются, когда нужно изобразить гуманоидов в милицейских мундирах. Чтобы разговаривать, как менты, нужно самому быть ментом. Другого выхода нет.

Одеваются украинские милиционеры довольно своеобразно. Даже в тех случаях, когда появляется возможность натянуть на себя дорогие шмотки, они умудряются их носить настолько безвкусно, что просто диву даешься. Обратите внимание: менты никогда не чистят обувь, всегда ходят с папкой под мышкой, редко меняют носки и по праздникам выливают на себя по полведра самого дешевого одеколona. Те, кто помоложе, но уже успели проработать несколько лет в органах внутренних дел, обожают, как петухи, обвешиваться конфискованной бижутерией, всевозможными

золотыми побрякушками и цепями толщиной в два пальца. Наверное, у них в райотделе так модно.

Когда мусора начнут ломиться в дверь, прежде всего посмотри на часы. С одиннадцати вечера до шести утра можешь смело посылать их подальше, не обращая внимания на истеричные вопли и настойчивый стук. После шести дверь открывать также вовсе не обязательно. Если им надо - пусть тащат сварочный аппарат и штурмуют бронированные двери. (Если дверь в твою квартиру сделана не из металла, а из дерева и открывается вовнутрь, а не наружу - прими мои соболезнования).

Пока непрошеные гости будут возиться с входной дверью, подумай, что их может заинтересовать, и это самое что-то спрячь в труднодоступное место. На худой конец, забрось за шкаф в коридоре. Менты - существа до безобразия ленивые, тяжести таскать не станут. Что касается логики, то она в их действиях отсутствует напрочь. Например, у меня дома во время и первого, и второго обысков они не стали открывать вмурованный в стену сейф, потому что не нашли к нему ключ. Однако поотрывали вагонку, которой был обшит балкон, и поломали мебель. То ли от злости, то ли у них такое служебное рвение...

Предположим, менты таки вломились в твою квартиру, и ты имеешь счастье созерцать, как они, размахивая ордером на обыск, рыскают

по квартире. Обычно, первое, что говорит старший группы, звучит примерно так:

- Документы, деньги, ценности, а также оружие и наркотики - на стол.

Внимательно запомни, что им нужно, и именно это ни в коем случае не отдавай. Найденные деньги они наверняка раздеребанят между собой и пропьют. Пусть тебя и твоих родственников не вводит в заблуждение тот факт, что ваши кровные один из незванных гостей вписал в какой-то там бланк. Никто возвращать обратно деньги и ценности не собирается. Не для этого их отбирали. Что касается документов, то они имеют шанс потеряться "где-то в дороге". Сделать это не составит для блюстителей правопорядка никакого труда. Во время обыска все бумаги сваливаются в ящики, которые помечают цифрами "1", "2" и так далее. Никто не фиксирует в протоколе изъятия содержимое ящиков с описанием, какие именно документы находятся в них и где конкретно. Впоследствии то, что будет нужно для фабрикация дела, сохраняют и подтасуют, а что покажется лишним - уничтожат. Пойди потом докажи, что к чему.

Для большинства украинских граждан скитания по вонючим тюремным камерам начинаются именно с задержания в собственном доме, сопровождаемого унижительным обыском. Мусора беспардонно переворачивают вещи вверх дном и топчутся по ним грязной обувью, изображая поиск вещественных

доказательств по какому-то никому не понятному делу. Не беда, если таковых у тебя нет и в помине. Во время обыска царят такие хаос и суета, что вкатить в гостиную бронетранспортер не составит большого труда. Что уж там говорить о несчастных гранатометах, сваленных вперемешку с обувью возле входной двери, или ящиках с ржавыми боеприпасами на кухонном балконе?

Родственники, наблюдая за происходящим, пребывают в глубоком шоке и находятся на грани обморока. Понятые приглашены, скорее, для мебели. От них ни холодно, ни жарко. Нередко понятых нет и в помине - данные случайных людей для порядка вписывают в протокол обыска задним числом. Если же таковых и находят, то это, как правило, разбуженные и перепуганные насмерть соседи, робко жмущиеся друг к дружке и желающие исключительно одного - дабы их оставили как можно быстрее в покое. Ставшие волею судьбы очевидцами бездарно сыгранной пьесы, они совершенно ничего не понимают, кроме того, что их милый и добродушный сосед, оказывается, особо опасный преступник. В их сознании, если арестован - значит виновен. Люди никак не могут врубиться, что только суд определяет степень виновности человека. До суда никому не позволено вешать ярлык преступника на шею другого. Даже если очень хочется.

Обыск заканчивается коротким диалогом типа:

- Поедете с нами. Руководство хочет побеседовать с Вами.

- О чем?

Действительно, о чем можно говорить с "руководством" в два часа ночи?

- Нам не докладывают. Собирайтесь.

- Мне нужно брать с собой какие-то вещи?

- Нет, только паспорт и записную книжку. Вы сегодня же вернетесь домой.

Снова ложь, и вовсе не потому, что это нужно для дела. Они лгут по привычке, потому как не лгать лакеи Фемиды уже не умеют. Единственная логика, которая смутно просматривается в их лжи, - не спугнуть "объект" и избежать проблем с задержанием. Не так-то легко схватить того, кто этого по-настоящему не желает. Тем более - с хваленой мусорской подготовкой.

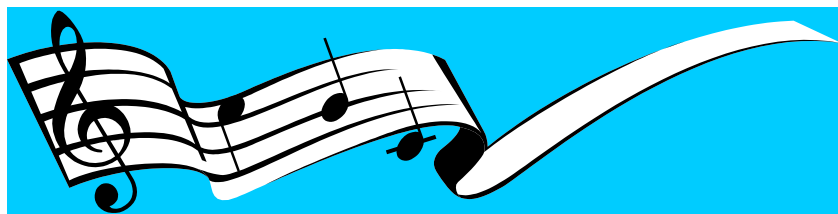
В реальной жизни "объект" обычно не сопротивляется и добровольно едет вместе с незваными гостями, чтобы побыстрее уладить возникшие неприятности и спокойно вернуться домой. Ему и невдомек, как с ним собираются разговаривать за решеткой.

Если на небе звезды сошлись так, что именно ты оказался этим самым "объектом" и деваться некуда, не вздумай брать с собой записную книжку. В противном случае ты имеешь шанс испортить настроение всем тем, кто упоминается в ней. Лично я свои записи успел уничтожить, благополучно спустив их в унитаз, а для того, чтобы менты не заподозрили неладное, прихватил с собой порванный старый блокнот с ненужными телефонами. В Московском РОВД города Киева, куда меня привезли, только один гуманоид из старших чинов понял, что ему принесли совершенно не то, что он хотел. Посинев от злости, он долго орал, брызгая слюной на подчиненных, а на следующее утро направил ещё одну группу обыскивать по-новой мою квартиру.

Эти оказались не менее любознательными, чем предыдущие. Они героически разобрали на запчасти кухонный стол, вытащили дверцы из шкафа и заглянули под паркет. Если вечерние гости не стали открывать вмурованный в стену сейф из-за лени, то утренние его просто-напросто не заметили. Их больше интересовало содержимое мусорного ведра, чем содержимое ящиков письменного стола у меня в кабинете.

В наручниках (или без таковых) задержанного заталкивают в машину и увозят в сторону ближайшего райотдела, где он теряется, словно в бермудском треугольнике, на долгие месяцы, а то и на годы. Иногда - навсегда.

(продолжение предполагается)

КОЗЁЛ НА САКСЕ

Алексей КОЗЛОВ

(главы из новой книги)

"Но все это относится к рациональной стороне науки об импровизации. Существует еще и мистическая сторона. В мировой практике встречаются солисты, обладающие даром гипноза и овладевающие аудиторией по своим собственным законам, заставляя себя слушать и восхищаться их игрой. Я уверен, что такие музыканты, как Никколо Паганини, Джимми Хендрикс или Майлз Дэвис были настоящими экстрасенсами. В принципе, любой солист должен быть в какой-то степени гипнотизером, если не шаманом."

"В джазовой традиции схема пьесы довольно проста. Сперва излагается тема, а

затем солисты играют по очереди свои импровизации, используя одну и ту же последовательность аккордов, соответствующую теме. С появлением новых видов джаза - модального, джаз-рока или фьюжн - возникли другие подходы к построению формы. Солисты стали играть импровизации по гармоническим схемам, отличающимся от основной темы, разные солисты стали применять разные схемы в рамках одной пьесы, между солистами стали делаться оркестровые вставки, являющиеся побочными, то есть новыми темами. Таким образом форма произведений в новом джазе значительно усложнилась, приблизившись в некотором смысле к симфонической музыке."

*** * ***

(...)

Уже тогда я с сожалением понял, что нашего массового слушателя англоязычным пением не проймешь, как ни старайся. Ему подай что-нибудь попонятнее да попроще. Всё это повторилось позднее и с рок-поп-музыкой, в постперестроечные годы, когда свободная российская толпа выбрала себе самую низкопробную кабацкую попсу, современную опошленную версию цыганского романса,

отринув всяких там Стиви Уандеров, Стингов, Филов Коллинзов и Уитни Хьюстонов.

(...)

Дружинники конца шестидесятых заметно отличались от своих предшественников начала пятидесятых, ловивших стилиг на улице Горького, резавших узкие брюки и длинные волосы. Эти стали ближе к современному спецназу. Они имели военизированную структуру, подобие униформы, машину ОАЗик типа "раковой шейки". Если при Сталине дружинники охотились за такими как я, то в конце шестидесятых они встали на охране порядка в джазовом кафе: и это был прогресс.

(...)

Сперва о приеме у посла. До этого у меня уже был небогатый опыт общения с иностранными дипломатами, в том числе американскими. Тогда у меня уже закралось подозрение, что отнюдь не все американцы любят джаз, и что аристократы считают его искусством низов общества, простых людей. Во всем этом присутствовала определенная нелепость: в СССР джаз считался "музыкой толстых", а сами "толстые" у себя, на родине джаза, относили его скорее к "музыке тонких", если пользоваться методологией Горького. Когда на дипломатических приемах ко

мне подходили, как это заведено, какие-то леди или джентльмены, чтобы создать пафос непринужденного общения, и спрашивали, а "кто Вы, кем работаете", то я прямо отвечал, что я - джазмен. За этим следовала вежливая улыбка, смешанная с плохо скрываемым удивлением (как, в СССР - джаз?). После этого собеседник, желая как-то наладить разговор, заявлял, что он тоже любит джаз и даже называл какое-то известное ему джазовое имя (типа "Муму" в разговоре о литературе). Но по всему было ясно, что он, живя в Америке, ни черта о джазе не знает, а значит - его не очень-то и любит. Короче, я уже был готов ко всем проявлениям дипломатического снобизма, когда получил приглашение на прием в Спасо Хауз в честь Дюка Эллингтона. То, что я увидел там, было незабываемым. Еще А.С.Пушкин сформулировал дилемму "поэт и толпа", от которой страдал всю жизнь. Здесь же визуализировалась подобная дилемма - "черный гений джаза и толпа белых дипломатов". До этого мне часто приходилось видеть, как очень популярные люди, так называемые "звезды", раздают автографы. За этим обычно просматриваются самые различные чувства: самодовольство, высокомерие к толпе поклонников, раздражение от потери времени, благодарность за признание, неловкость от совершения чего-то нелепого, стеснительность и смущение. Все зависит от личных качеств "звезды". В случае с Дюком Эллингтоном ничего

этого не было. По причине своего высокого роста он казался как бы плывущим над толпой окружавших его людей. От него исходило такое чувство собственного достоинства, спокойствие и естественность, что было ясно - вот так выглядит гений в толпе. Но запомнилось и другое: светская официально-снобистская публика высокого ранга, подходящая к Дюку за автографами, перекидываясь с ним парой слов, на миг преображалась. Они становились проще и естественней. Я не брал автографа у Эллингтона, но, наблюдая за всем этим, прекрасно представлял себе, что могут чувствовать американцы, которым повезло вот так близко постоять рядом с человеком-символом, с исторической фигурой, и где - в советской Москве, на другом краю Земли.

Покушение

Период работы в "Печоре" был богат различными событиями и приключениями. Однажды меня там чуть не убили, а затем по-настоящему ограбили. Был прекрасный летний день. Мы, как обычно, начали свое выступление, согласно распорядку, в 7 часов вечера. Я всегда недолюбливал первое отделение, особенно летом, когда в это время еще светит солнце, и в кафе, где целая стена

является окном, светло, как на улице. Играть джаз в такой обстановке не очень привычно, как-то не играется, пока не наступят сумерки. Тем не менее, мы обязаны были начинать вовремя, но в первом отделении нам приходилось в какой-то степени заставлять себя "заводиться" искусственно. В этот день к нам пришел поиграть замечательный трубач Герман Лукьянов, один из самых самобытных российских джазменов. Мы сыграли тему, затем я начал импровизировать и сыграл несколько квадратов в свой микрофон, а Герман стоял слева в полуметре от меня у другого микрофона, ожидая, когда ему вступить. Когда я доигрывал последний квадрат, я дал это понять Герману и постепенно отошел от микрофона вправо. Лукьянов начал играть свое соло и здесь произошло нечто совершенно неожиданное. Уже отвернувшись в сторону, я краем глаза увидел нечто, пролетевшее между нашими головами, после этого раздался звук, похожий на взрыв, а в следующее мгновение я увидел, что к моим ногам подкатывает волна с пеной, как на морском берегу. Все это произошло меньше, чем за секунду и отложилось в сознании как чистый сюрреализм. Первое время мы несколько оцепенели и пытались понять, что произошло. Вслед за этим в районе одного из столиков раздался шум, я увидел какую-то свалку, а потом понял, что дружинники волокут человека к выходу. Посмотрев себе под ноги, мы поняли, что позади нас с Германом, прямо перед ударной

установкой, разбилась запечатанная бутылка шампанского, образовав большое количество пены. Только тогда стала вырисовываться в сознании нелепость и даже загадочность поступка, а главное - пришла мысль о том, что кому-то из нас могло снести полчерепа, так как увесистая бутылка была брошена с расстояния метров в десять. Лукьянов от этой мысли так занервничал, что быстренько уложил трубу в футляр и ушел. А мы должны были играть дальше, хотя настроения уже никакого не было. Перед тем, как продолжить выступление, я бросился на улицу, чтобы увидеть того, кто бросил бутылку, понять, чего он хотел. Я увидел, как дружинники запихивали в свою спецмашину щуплого человека небольшого роста, с усиками, похожего на азербайджанца, провинциально одетого. Я не успел подойти, как машина уехала. Так что мы оставались в неведении, мучаясь в догадках до конца вечера, пока не вернулись из отделения милиции наши дружинники. Они рассказали, что этот тип - депутат Верховного Совета СССР, заслуженный врач Дагестана, приехавший на какую-то очередную Сессию. У него депутатская неприкосновенность, его отпустят. Но самым примечательным было то, что он в милиции все время негодовал, почему его схватили, ведь он хотел выразить свое восхищение музыкой. Я представил себе этого человека, который случайно попал в "Печору" и впервые в жизни услышал современный джаз "живьем". Будучи,

как и все "лица кавказской национальности" человеком крайне эмоциональным, он, очевидно испытал особый душевный порыв и из самых лучших побуждений выразил свой восторг традиционным кавказским жестом, известным в народе как "от нашего стола - вашему столу". Ну, немного не соразмерил, зато от души. Когда я позднее успокоился и полностью осознал и оценил произошедшее, то понял, что в этом широком жесте, таившем и смертельный исход, крылась, может быть, наивысшая степень оценки и признания того, что мы делали в тот вечер.

(...)

Через некоторое время после превращения "Печоры" в джаз-клуб начали выявляться кое-какие организационные проблемы. Познакомившись ближе с закулисной жизнью советского общепита, я узнал много интересных вещей. Нередко днем в кабинете директрисы я видел явных представителей власти, в милицейской форме или в штатском (скорее всего - из ОБХСС), которые приходили пообедать, по-простому, по-дружески, то есть бесплатно. Меню в данном случае было, естественно, особым. Я узнал, что, согласно неписаным нормативам, работникам общепита разрешалось присваивать безнаказанно (т.е. недокладывать, недоливать, недовешивать и

т.д.) до восьми процентов исходных продуктов - масла, сахара, мяса, овощей и всего другого. Если при проверке обнаруживалось превышение этой нормы, то составлялся акт о хищении. Так выглядела узаконенная приплата рабочему классу в этой сфере, хотя львиная доля доставалась администрации. Это они уносили домой с работы дефицитные мясо и масло, работникам кухни доставалось по большей части что-либо попроще, а нянечки-уборщицы покидали кафе с сумками картофеля. Все это я видел своими глазами, поскольку приходилось после окончания вечера спускаться в служебное помещение, где у нас была своя комната для переодевания, хранения инструментов, нотных пультов и костюмов.

В этой комнате и произошло знаменитое ограбление, ставшее загадкой, не разгаданной до сих пор. Дело в том, что под Новым Арбатом существует подземный город минимум в три этажа, ниже я не спускался. Это коридоры с многочисленными комнатами, кабинетами, складскими помещениями. Всё это распределено между теми заведениями, которые над ними находятся. Нам, согласно нашему требованию, выделили небольшую комнатку, где с трудом могли разместиться на полу две ударные установки, усилители с колонками, контрабас и некоторые другие инструменты в футлярах, а в шкафу - костюмы и всякая мелочь. Довольно часто мы репетировали прямо в зале, или утром, до открытия кафе, или где-то с пяти

до половины седьмого, перед началом работы. Поэтому инструменты иногда оставляли в той самой комнате, находившейся под общей охраной всех служебных помещений, на три этажа ниже уровня земли. Никому даже на минуту не могла придти в голову мысль о ненадежности этого места. Но вот летом 1971 года, придя утром на репетицию, мы обнаружили, что дверь в нашу комнату взломана при помощи обычного лома и из нее вынесена часть находившихся там инструментов. После того как приехали все музыканты, работавшие в кафе, и тоже осмотрели место происшествия, было установлено, что пропало четыре вещи - гитарный усилитель "Gibson", полуакустическая гитара той же фирмы, принадлежавшие Николаю Громину, чемодан с моим саксофоном фирмы "Kohn" и чей-то французский электропроигрыватель для пластинок. Это означало, что грабителей было двое. На стенках лестницы, ведущей в технические коридоры, были отчетливо видны стрелки, указывающие путь к нашей комнате, как в пионерской игре "Зарница". Во всем этом было что-то нарочитое и неправдоподобное. Затем, когда шок от этой новости сменился естественным состоянием тоски и безнадёги, я попытался проанализировать ситуацию. То, что кража была совершена не без участия местных работников, было ясно с самого начала, но вот на каком уровне и кому это понадобилось? И здесь вдруг пришел в голову простой вывод. Дело в том, что

довольно часто поиграть с гитаристом Николаем Громиным из состава А.Зубова в кафе приходил другой не менее известный гитарист, его коллега по гитарному дуэту, Алексей Кузнецов. В то время он был на постоянной работе в эстрадно-симфоническом оркестре Гостелерадио под управлением Силантьева. А незадолго до описываемого события этот оркестр получил новый комплект различной зарубежной аппаратуры и инструментов, в том числе роскошный гитарный комбик, то есть усилитель с колонкой фирмы "VOX", последней модели. Леша Кузнецов, пользовавшийся у Силантьева большим доверием и авторитетом, получил разрешение иногда выносить этот "VOX" из здания Дома звукозаписи на ул.Качалова для выступления на концертах, в том числе и в "Печоре". Обычно он никогда не оставлял этот аппарат в кафе на ночь, но в ту ночь ему почему-то было удобнее не забирать его. И вот, когда мы установили окончательно, что пропало, а что нет, оказалось, что силантьевский "VOX" на месте, зато унесен копеечный по сравнению с ним проигрыватель. Это говорило уже о другой степени информированности похитителей, а главное, об их причастности к государственным структурам. У себя воровать невыгодно. Чтобы проверить мои смутные подозрения, я отправился в отделение милиции, ответственное за этот район. Никакой надежды на теплый прием, сочувствие и понимание у меня не было, но надо было проверить все варианты. Написав,

как положено, заявление на имя начальника отделения, которое мне с неохотой сообщил дежурный, я попытался зарегистрировать его в дежурной части, после чего оно стало бы официальным документом и поводом для начала расследования и заведения дела. Тем более, что ограблено было государственное предприятие, находящееся на правительственной трассе. Очевидно, к моему приходу в отделении были готовы, так как мне был заготовлен целый спектакль, который сводился к необходимости получения подписи начальника отделения на моем заявлении. А тот оказался практически неуловимым. Я из спортивного интереса полдня пытался отловить его в сравнительно небольшом отделении милиции, но он обыграл меня в этой игре в прятки. Я иногда даже видел его спину, но когда входил вслед за ним в комнату, его там уже не было. Что двигало им, нежелание брать на себя очередную "висячку" или указание сверху? А может он, будучи истинным советским патриотом старой закалки, считал саксофон чем-то недалеким от ножа или отмычки (вспомните фразу Жданова: "От саксофона до ножа - один шаг")? Тогда все понятно - помогать идеологическому бандиту искать его оружие - лучше уж нарушить на время свой служебный долг. Когда мне надоело ошиваться в этом отделении, просто безо всякой регистрации положил заявление в окошко дежурного и ушел. Время подтвердило мои подозрения, за четверть

века ни громинская гитара с усилителем, ни мой саксофон ни вынырнули нигде на территории нашей страны. А ведь это не иголки в стоге сена. Обнаружить их появление у какого-нибудь музыканта ничего не стоило, так как это была большая редкость, а слух о пропаже моментально распространился по кабакам и оркестрам всего СССР, ведь нас, джазменов, любили и уважали большинство музыкантов страны. Незаметно выплыть на поверхность ни "Gibson", ни "Kohn " не могли, так что, скорее всего, лежат они и по сей день где-нибудь на спецскладе под своими инвентарными номерами. Но это лишь мое предположение. Ну а зачем все это понадобилось? Ответ прост. Со временем правительственная трасса приобрела особо важный статус, и для службы безопасности малейшее усложнение их работы было чревато различными ЧП. Мне кажется, джаз-клуб в кафе "Печора" необходимо было закрыть, причем не столько по идеологическим причинам, сколько из соображений безопасности. Кафе привлекало много народу, который постоянно толпился у входа, в "Печору" стало к тому же ходить много иностранцев. У членов Политбюро и других партийных шишек, постоянно проезжавших по этой трассе, не дай Бог, могли возникнуть вопросы, а почему здесь толпится народ. И тогда пришлось бы объяснять все как есть, здесь, мол, джаз-клуб, а за реакцию никто ручаться на мог. Могли бы и головы полететь. Но закрыть официально не было

никакого повода, тем более, что кафе находилось под покровительством МГК ВЛКСМ. Вот и придумали такую простую провокацию.

Лишившись инструмента, я впал в некоторое оцепенение и больше в "Печоре" не показывался. Некоторое время там еще что-то происходило, но вскоре джаз-клуб прекратил свое существование, его прикрыли под предлогом нерентабельности. "Печора" превратилась в простое кафе, где посадили играть обычный кабацкий эстрадный составчик из МОМА, как и в остальных местах общепита. Потеря инструмента для профессионала - это настоящая трагедия, и я пережил ее. Во-первых, в те времена достать настоящий новый фирменный саксофон в СССР было просто невозможно. В магазинах продавались чешские или гэдээровские, которые были так плохо сделаны и из такого дешевого металла, что иначе как "тазиками" мы их не называли. С рук купить можно было только старые, чаще всего довоенные инструменты, и то надо было еще поискать. Новые инструменты никто из-за границы не привозил по двум причинам. Если дорогой инструмент в Союз ввозил иностранец, то он должен был в нашей таможне зафиксировать его с тем, чтобы обязательно вывезти обратно. Так предотвращался ввоз с целью продажи. Если его ввозил из-за границы советский гражданин, то он должен был обосновать, на какие деньги он купил этот инструмент. А так как хороший саксофон никогда

меньше двух тысяч долларов не стоил, то обосновать такую сумму простому человеку было невозможно. Насколько я помню, тогда советским туристам разрешалось провозить подарков на сумму, не превышающую десять рублей. Так что просить привезти саксофон можно было либо номенклатурных работников, партийцев и дипломатов, не подвергавшихся строгому контролю и досмотру, либо тех, кто официально работал за границей за валюту и имел право тратить ее там же. Но у меня не было знакомых такого типа, да и просить было бесполезно, поскольку отдавать пришлось бы валютой, а ее у простых людей не было. Она была только у "валютчиков", то есть у тех, кто, несмотря на риск быть расстрелянными или посаженными на большие сроки, занимались обменом валюты или просто хранили ее дома. Ведь дело с расстрелом Рокотова и Файбишенко было еще свежо в памяти. Во-вторых, потеря инструмента очень похожа на ампутацию части тела, поскольку за годы игры на нем ты настолько привыкаешь к нему, что перестаешь ощущать его как нечто чужеродное. У каждого саксофона свое расположение клапанов, я уж не говорю о мундштуке, который подбирается годами. Но главное все-таки в том, что когда ты долго дуешь в свой инструмент, он постепенно структурирует молекулы своей вибрирующей массы согласно твоим индивидуальным акустическим данным и начинает звучать самым оптимальным для твоего организма способом. В

этом нет никакой мистики, одна сплошная физика или даже акустика. Саксофонисты называют это "раздуть" инструмент. Новый саксофон, несмотря на всю прелесть новизны, еще тупой по звуку, он не "раздутый". Старый саксофон, "раздутый" кем-то, не будет хорошо звучать у нового владельца, на это уйдет много времени. Именно такой, "раздутый" мною инструмент, откликнувшийся моментально на любой нюанс в исполнении, и пропал у меня летом 1971 года. Сперва я как-то даже не мог привыкнуть к этой мысли, но реальность того, что играть не на чем, заставила начать думать о приобретении инструмента. Помимо сложности с доставанием, просто не было самих денег на саксофон, то, что я получал в кафе и во ВНИИТЭ, едва хватало на еду. Но к тому моменту я уже хорошо знал черный рынок инструментов, знал мастеров по починке саксофонов, по изготовлению тростей и копий мундштуков. Через меня за последние годы прошло много инструментов, я научился разбираться в них. Через некоторое время мне удалось подобрать себе оптимальный вариант саксофона - не дорого, рублей за двести пятьдесят, приличный по звуку, но очень старый. Это был английский альт фирмы "Majestik", очень легкий на вес, но очень звучный. Сделан он был еще до начала Второй Мировой войны, то есть до 1939 года. Это было ясно по тому, что на нем был выгравирован символ Военно-воздушных сил

Третьего Рейха (Luftwaffe) - орел, несущий в лапах массивную свастику. Мастер, у которого я приобрел этот саксофон, объяснил мне, что эти инструменты выпускались английской фирмой по заказу Геринга для оркестров Военно-воздушных сил, естественно, еще в мирное время. Свастика, конечно, была почти затерта, но вполне была узнаваема. Подобный инструмент попадал ко мне уже не в первый раз в жизни. Как и положено инструменту, изготовленному для игры на открытом воздухе, этот саксофон был очень громким, и мне это нравилось. Но во всех других отношениях он был типичным старьем. Как и у всех довоенных моделей, у него не хватало целого ряда клапанов, так что привычная техника игры нарушалась, иногда пальцы проваливались в пустоту, так что от прежнего автоматизма пришлось отказаться и все время помнить о клапанах. Вся механика была разболтана, подушечки сгнили, октава не строила и т.д. и т.п. Тем не менее, именно на этом инструменте я продолжил свою карьеру саксофониста. Уже позднее мне удалось найти одного молодого французского студента, обучавшегося в Московском Университете и игравшего на саксофоне, и уговорить его продать мне свой почти новый инструмент фирмы "Selmer" - Mark V1, на котором я играл до января 1997 года.

(продолжение предполагается)

ОККУЛЬТНЫЙ МИР

А. Синнет

(выдержки)

Оккультная транспортировка предметов на большие расстояния не является "магической" в том смысле, как это понимают западные читатели; при этом ей можно дать частичное объяснение, доступное даже для обыкновенных читателей, для которых остаются совершенно непостижимыми способы управления задействованными в ней силами. Нельзя сказать, что токи, которые используются при такой транспортировке, переносят соответствующий предмет одною сплошною массой, в том виде, в каком его воспринимают наши органы чувств. Следует предполагать, что переносимый предмет сначала дезинтегрируется, затем переносится на расстояние в виде бесконечно малых частиц, а в пункте назначения вновь собирается в единое целое. Первое, что требовалось сделать в случае с брошью, - это найти ее. Но это было

всего лишь проявлением ясновидения, когда оккультист улавливает, так сказать, "запах" объекта, исходящий от человека, который говорит об этом предмете и обладал им в прошлом. Западный мир просто не знает ясновидения, сравнимого по своей яркой, живой силе с тем ясновидением, которое присуще адепту оккультизма. После того как местонахождение объекта обнаружено, вступает в действие процесс дезинтеграции, и желаемый предмет транспортируется туда, куда его решил поместить адепт, им занявшийся. Роль, которую сыграли в нашем феномене листки папиросной бумаги, заключается в следующем: чтобы мы могли найти брошь, надо было связать ее с мадам Блаватской при помощи оккультного "запаха". Листки бумаги, которые она всегда носила с собою, в силу этого пропитались ее магнетизмом; когда их забрал Брат, за ними потянулся оккультный след. По этому-то следу листки с завернутою в них брошью и перебросили затем в нужное место.

"Намагниченность" листков папиросной бумаги, которые мадам Блаватская постоянно держала при себе, позволила ей провести при их помощи небольшой сеанс демонстрации своего искусства, который все, для кого он проводился, сочли исчерпывающим примером доказательства, хотя чисто внешнее сходство с трюком иллюзиониста, отличавшее этот эксперимент, сбило с толку обычных читателей, которые знали о подобных случаях из газет.

Дискуссии, развернувшиеся вокруг этого проявления оккультного мастерства, будет удобнее всего проиллюстрировать, приведя три письма, которые были опубликованы 23-го октября в газете "Pioneer". Вот они:

"Сэр, сообщение о том, как была найдена брошь миссис Хьюм, вызвало поток писем; было задано множество вопросов, и на некоторые из них я смогу при случае ответить в будущем. Однако я полагаю, что будет правильнее сначала сделать новое свидетельство об оккультных способностях мадам Блаватской. Человек, подобным образом выступающий перед публикой, должен быть готов к тому, что его примутся высмеивать, хотя люди, что-либо смыслящие в вопросах, о которых идет речь, вполне вправе презирать такое оружие, как насмешки. В прошлый четверг, утром, около половины одиннадцатого, я беседовала с мадам Блаватской, сидя в ее комнате, и мимоходом поинтересовалась, не могла бы она послать мне что-нибудь оккультным способом, когда я вернусь домой. Она ответила: "Нет" - и объяснила некоторые законы, согласно которым она действует. Один из них заключается в том, что она должна знать место, куда посылает предмет, и предварительно побывать там, дабы создать магнитические токи, причем чем меньше времени пройдет с момента посещения, тем

лучше. Тут мадам Блаватская спохватилась, что уже побывала кое-где сегодня утром; еще через мгновение она вспомнила, чей именно дом она посетила с визитом². Мадам Блаватская сказала, что может переправить в этот дом сигарету, если я сразу же отправлюсь туда, чтобы проверить это. Я, конечно же, согласилась. Должна здесь упомянуть, что однажды я уже видела, как мадам Блаватская проделывает подобный опыт; причина, по которой она посылает именно сигареты, заключается в том, что папиросная бумага и табак всегда находятся при ней, в результате чего сильно "намагничиваются" и лучше поддаются воздействию ее силы, которая, как настойчиво заявляет мадам Блаватская, отнюдь не является сверхъестественной; по ее словам, эта сила - лишь проявление неизвестных нам законов. Однако продолжу свой рассказ. Мадам Блаватская вытащила листок папиросной бумаги и медленно оторвала от него уголок, стараясь, чтобы линия разрыва получилась как можно более неровной. При этом я не спускала глаз с ее рук. Затем она дала мне оторванный уголок, который я сразу же спрятала в конверт; могу утверждать, что он все время находился при мне. Из надорванного листка мадам свернула сигарету, а потом сказала, что попробует провести эксперимент и что он может и не удался, но если неудача и произойдет, то не по моей вине. Затем мадам весьма уверенно

бросила сигарету в огонь, и я наблюдала, как та сгорает, после чего я немедленно отправилась в дом того джентльмена; мне с трудом верилось, что в указанном месте я найду основную часть листка, уголок которого был у меня, но, представьте себе, она действительно оказалась там, в виде той самой свернутой сигареты. В присутствии хозяина дома и его супруги я развернула сигарету; края этого листка и имевшегося у меня оторванного уголка идеально совпали друг с другом в месте разрыва. Было бы бессмысленно пытаться строить какие-либо гипотезы в связи с этими феноменами; неразумно ожидать, что кто-нибудь в них поверит, не убедившись на собственном опыте в возможности подобных чудес.

Единственный результат, которого можно ожидать и на который можно рассчитывать, сводится к тому, чтобы подвигнуть некоторых наиболее разумных членов общества к исследованию огромного количества накопленных свидетельств о феноменах, происходящих повсюду в Европе и Америке. Достойно сожаления, что большинство людей вынуждено пребывать в столь явном неведении относительно этих фактов; любой, кто посетит Англию, сможет сам убедиться в том, что они истинны.

Элис Гордон".

"Сэр,

меня попросили дать отчет о случае, который имел место в моем присутствии 13-го числа сего месяца. В тот вечер я сидел вместе с мадам Блаватской и полковником Олькоттом в гостиной в доме мистера Синнетта в Симле. Мы немного побеседовали на разные темы, и мадам Блаватская сказала, что хотела бы провести эксперимент по способу, предложенному мистером Синнеттом. Затем она достала из кармана два листочка папиросной бумаги и начертила на каждом из них карандашом несколько параллельных линий. Затем от каждого листочка поперек начерченных линий она оторвала по уголку, и отдала оторванные кусочки мне. Все это время мадам Блаватская сидела поблизости от меня, и я внимательно наблюдал за ее действиями; руки ее находились не более чем в двух футах от моих глаз. Я попросил мадам позволить мне самому начертить эти линии или оторвать уголки, но она отклонила мою просьбу, утверждая, что если к листочкам будут прикасаться другие люди, то бумага пропитается их личным магнетизмом, который нейтрализует ее собственный. Тем не менее оторванные уголки мадам передала лично мне, и я отчетливо видел, что у нее не было никакой возможности подменить их другими кусочками бумаги, используя ловкость рук. Основанием подлинности или неподлинности феноменов, описанных далее, служит именно это обстоятельство. Оторванные уголки я все время

сжимал в левом кулаке до самого конца эксперимента. Из листочков, от которых они были оторваны, мадам Блаватская скрутила одну за другою две сигареты; первую она дала подержать мне, пока сворачивала вторую. Я чрезвычайно внимательно рассмотрел первую сигарету, чтобы опознать ее впоследствии. Доделав сигареты, мадам встала и, зажав их обе между ладоней, стала тереть ладони друг о друга. Через двадцать - тридцать секунд резкое шуршание растираемой бумаги, которое сперва было слышно чрезвычайно отчетливо, прекратилось. Тогда мадам сказала, что в этом конце комнаты проходит по кругу особый ток³, и я могу послать сигареты лишь в место, находящееся не слишком далеко. Мгновение спустя мадам сообщила, что одна сигарета упала на фортепьяно, а другая - рядом с консолью. Я сидел, откинувшись на спинку дивана, который стоял вплотную к стене; фортепьяно стояло напротив, а консоль, служившая подставкой для фарфоровой посуды, - справа, между фортепьяно и дверью. Комната была очень узкой, поэтому и фортепьяно, и консоль были превосходно видны. Вся верхняя часть фортепьяно была занята стопками музыкальных книг, и мадам Блаватская решила, что сигарета найдется именно между ними. Я снял одну за другою все книги, но так ничего и не обнаружил. После этого я приподнял крышку фортепьяно и нашел одну

сигарету внутри, на узенькой полочке. Достав эту сигарету, я узнал в ней ту, которую мне дала поддержать мадам Блаватская. Вторая сигарета оказалась в закрытой чашке на консоли. Обе сигареты еще не просохли в тех местах, где края листочков смочили слюной, чтобы склеить. Я положил сигареты на один из столов, не давая мадам Блаватской и полковнику Олькотту не только прикоснуться к ним, но даже взглянуть на них. Развернув сигареты и разгладив листочки, я убедился, что неровные края в месте разрыва в точности совпадают с краями оторванных от них уголков, которые я все это время держал в руке. Карандашные линии тоже совпали. Следовательно, можно заключить, что эти листочки - явно те же самые, которые были разорваны в начале эксперимента. Все эти бумажки я по-прежнему храню у себя. Остается лишь добавить, что в течение всего эксперимента полковник Олькотт сидел рядом со мною, спиной к мадам Блаватской, и не двигался до конца опыта.

П.Дж.Мэйтленд, капитан".

"Сэр,

в связи с письмами, которые касаются недавних оккультных феноменов мадам Блаватской, ваших читателей, возможно, заинтересует мой рассказ о поразительном случае, произошедшем

в моем присутствии на прошлой неделе. Мне представилась возможность побеседовать с мадам Блаватской; в ходе нашей встречи она оторвала уголок от листочка папиросной бумаги и попросила меня поддержать его, что я и сделал. Из оставшейся части листка мадам обычным способом скрутила сигарету, которую через несколько секунд заставила исчезнуть у себя прямо из рук. В тот момент мы находились в гостиной. Я поинтересовался, возможно ли снова найти эту сигарету, и после небольшой паузы мадам Блаватская попросила меня пройти вместе с нею в столовую, где, по словам мадам, мы должны были найти ту самую сигарету на верху занавеса, висящего на окне. Придвинув к окну стол и водрузив на него стул, я не без труда добрался до верхнего края занавеса и извлек сигарету из указанного места. Развернув ее, я обнаружил, что листок папиросной бумаги, из которого она была скручена, в точности соответствует тому листочку, который я видел в гостиной несколько минут назад. Края оторванного уголка, который я держал при себе, в точности совместились с рваным, неровным краем бумаги, в которую был завернут табак. Насколько я понимаю, это был самый совершенный и удовлетворительный тест, какой только можно себе представить. Я воздерживаюсь от того, чтобы высказать собственное мнение о причинах, вызвавших такой результат, будучи уверен, что те из ваших читателей, которые

интересуются подобными феноменами, предпочтут иметь по данному вопросу собственное суждение. Я всего лишь привожу неприкрашенное изложение того, что видел своими глазами. Позволю себе добавить, что не являюсь членом Теософического Общества и не склонен к пристрастной защите оккультных наук, хотя горячо сочувствую целям, провозглашаемым Обществом, во главе которого стоит полковник Олькотт.

Чарльз Фрэнсис Мэсси".

(продолжение предполагается)

ТЕОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ

УКАЗАТЕЛЬ ТЕОСОФСКИХ ПОНЯТИЙ К "ТАЙНОЙ ДОКТРИНЕ"

Составлен Дж. Мидом

*Перевод с английского А.П. Хейдока**

Перевод осуществлен по изданиям:

1. H.P. Blavatsky. The Secret Doctrine. Ind. to vols. 1 and 2. -- London ets., Theosophical publ., 1895.
2. H.P. Blavatsky. The Theosophical glossary. -- London, 1892.

От редактора. Этот огромный словарь мы продолжаем публиковать в том виде, в каком его получили, то есть со всеми имеющимися ошибками (исправить их — гигантская работа...) и невозможностью удовлетворительно оформить текст. Мы также намеренно печатаем его мелким шрифтом, чтобы читатель не упрекнул нас, что журнал мы заполняем не статьями современных авторов по практически нужным вопросам (как обещали), а неинтересным для многих материалом. Кроме того, так как исходный язык английский, то в публикуемом переводе (а) строгое алфавитное расположение терминов по-русски невозможно, и (б) вклиниваются термины на совсем другие буквы. Поэтому рекомендуем читать всё подряд. Желаем успеха.

*

Окончание. Начало в № 5.

ЮГА (Санскр.) Тысячная часть Кальпы. Век Мира, которых всего четыре, и ряды которых последовательно проходят в течение манвантарного цикла. Каждой Юге предшествует период, названный в "Пуранах" Сандхья, сумерками, или переходным периодом, а за ней следует другой период такой же длины, называемый Сандхьянса, "часть сумерек". Каждый из них равняется десятой доле Юги. Группа четырех Юг сперва исчисляется божественными годами, или "годами богов" - каждый такой год равняется 360 годам смертных людей. Таким образом, в "божественных" годах, мы имеем:

1. Крита или Сатия Юга 4 000

Сандхья 400

Сандхьянса 400

_____ 4 800

2. Трета Юга 3 000

Сандхья 300

Сандхьянса 300

_____ 3 600

3. Двапара Юга 2 000

Сандхья 200

Сандхьянса 200

_____ 2 400

4. Кали Юга 1 000

Сандхья 100

Сандхьянса 100

_____ 1 200

Всего 12 000

В годах смертных это равняется:

4 800 x 360 = 1 728 000

3 600 x 360 = 1 296 000

2 400 x 360 = 864 000

1 200 x 360 = 432 000

Всего 4 320 000

Это называется Махаюгой или Манвантарой. 2 000 таких Махаюг, или период в 8 640 000 000 лет, составляет Кальпу: последняя является лишь "днем и ночью", или двадцатью четырьмя часами, Брамь. Таким образом, "век Брамь", или сто его божественных лет, должен равняться 311 040 000 000 000 нашим смертным годам. Древние маздеяне или маги (современные парсы) имели такое же исчисление, хотя востоковеды, видимо, не осознают этого, так как даже сами мобеда парсов забыли это. Но их "Независимое Время Длинного Периода" (Зерван Дарегхо Хвадата) длится 12 000 лет, и это есть 12 000 божественных лет Махаюги, как показано выше, тогда как Зерван Акарана (Беспредельное Время), упомянутое Заратустрой, есть Кала, вне пространства и времени, Парабрахмы.

ИУРБО АДОНаЙ Презрительный эпитет, данный Иегове евреев последователями "Кодекса Назареев", гностиками Св. Иоанна.

ЕРМУНГАНД (Сканд.) Имя змия Мидгарда в "Эдде", братом которого является Волк Фенрис, а сестрой - ужасное чудовище Хэл, - трое детей злого Локи и Ангурбоды (носительницы боли), страшной великанши. Мировой змий древних скандинавов, чудовище, сотворенное Локи, по которому дают форму постоянные разлагающиеся эманации тела убитого великана Имира (материя нашего глобуса), и который, в свою очередь, порождает постоянную эманацию, служащую завесой между небесами и землею, т.е. Астральный Свет.

3

3. (Z). - 26-я буква английского алфавита. Как число, она обозначает 2000, а с чертой, Z, равняется 2 000 000. Это седьмая буква в еврейском алфавите - зайин, символом ее служит разновидность египетского скипетра, оружие. Зайин численно равен семи. Каббалисты считают число 26 очень священным, ибо оно является числовым значением букв Тетраграмматона - таким образом:

хе вау хе иод

$$5 + 6 + 5 + 10 = 26$$

ЗАБУЛОН (Евр.) Чертог Бога, десятый Дэвачан по степени. Отсюда, Забулон - десятый сын Иакова.

ЗАКХАЙ (Евр.) Одно из божественных имен.

ЗАДОК (Евр.) Согласно Иосифу (см. "Antiquities", X, 8, §6), Задок был первым Верховным Жрецом-Иерофантом Соломонова Верховного Храма. Масоны связывают его с некоторыми из своих степеней.

ЗАЛМАТ ГАГУАДИ (Аккад.) Букв., "темная раса"; первая, которая пала в зарождение, в вавилонских легендах. Адамическая раса, одна из двух основных рас, существовавших во время "Педания Человека" (следовательно - наша третья Коренная раса). Другая раса называлась Сарку или "светлая раса". ("Тайная Доктрина", II, 5.)

ЗАМПУН (Тибет.) Священное древо жизни, имеющее много мистических значений.

ЗАРАТУСТРА (Зенд.) Великий законодатель и основоположник религии, называемой по-разному Маздаизмом, Магизмом, Парсаизмом, Огнепоклонничеством и Зороастризмом. Время жизни последнего Зороастра (ибо это имя - родовое) неизвестно и, возможно, по этой самой причине. Ксанф из Лидии, самый ранний греческий писатель, упоминающий этого великого законодателя и религиозного реформатора, относит его к периоду примерно за 600 лет до Троянской Войны. Но где тот историк, который мог бы в данный момент сказать, когда происходила эта война? Аристотель и Евдокс относят его к эпохе не меньше чем за 6000 лет до времен Платона, а Аристотель не был человеком, который утверждал что-либо, не имея на то веских причин. Бероз делает его царем Вавилона около 2200 лет до Р.Х., но в таком случае, кто может сказать, какими были подлинные цифры Бероза, прежде чем его манускрипты прошли через руки Евсевия, чьи пальцы были столь ловкими в искажении цифр, как в египетских синхронистических таблицах, так и в халдейской хронологии? Хауг относит Зороастра по меньшей мере к 1000 г. до Р.Х.; а Бунзен ("God in History", т. I, кн. III, гл. VI, с. 276) утверждает, что Заратустра Спитама жил при царе Вистаспе около 3000 лет до Р.Х., и описывает его как "одного из могущественнейших умов и одного из величайших людей всех времен". Именно с такими точными данными в руках, и полностью умершим языком Зенда, учения которого представлены, и, по всей

вероятности, самым бессистемным образом, переводами на пехлеви - язык, который, как доказал Дармстетер, сам выходил из употребления уже в столь давнюю эпоху, как Сассанидскую, - наши ученые и востоковеды взяли на себя смелость монополизировать право определять гипотетические даты эпохи святого пророка Зуртуста. Но оккультные записи утверждают, что обладают точными датами жизни каждого из тринадцати Зороастров, упомянутых в "Дабистане". Их учения, и особенно учения последнего (божественного) Зороастра, распространились от Бактрии до Мидии; оттуда, под названием Магизм, введенные Адептами-Астрономами в Халдее, они оказали огромное влияние на мистические учения Моисеевых доктрин, даже до того, возможно, как они достигли своей высшей точки в том, что теперь известно как современная религия парсов. Подобно Ману и Вьясе в Индии, Заратустра есть родовое имя великих реформаторов и законодателей. Эта иерархия начинается с божественного Заратустры в "Вендидаде", и заканчивается великим, но смертным человеком, носившим это имя, и теперь утерянным для истории. Как показано в "Дабистане", существовало много Зороастров или Заратустр. Как сказано в "Тайной Доктрине", т. II, последний Зороастр был основателем храма Огня Азарекша за много веков до исторической эры. Если бы Александр не уничтожил так много священных и драгоценных трудов маздеян, истина и философия были бы больше склонны согласиться с историей в том, что та дарует этому греческому Вандалу титул "Великого".

ЗАРПАНИТУ (Аккад.) Богиня, которая являлась предполагаемой матерью Нэбо, бога Мудрости, отцом которого был Меродах. Одна из женских "Змиев Мудрости".

ЗЕЛАТОР Низшая степень в экзотерической розенкрейцерской системе; находящийся под испытанием или низший чела.

ЗЕНД-АВЕСТА (Пехл.) Общее название священных книг парсов, огне- и солнцепоклонников, как их называют по невежеству. Настолько мало поняты эти величественные учения, которые по-прежнему встречаются в различных фрагментах, составляющих все, что теперь осталось от этого собрания религиозных трудов, что Зороастризм без различия называют Огнепоклонничеством, Маздаизмом или Магизмом, Дуализмом, Солнцепоклонничеством и чем угодно еще. "Авеста", как теперь собрана, имеет две части: в первой содержатся "Вендидад", "Висперад" и "Ясна"; а вторая часть, называемая "Хорда Авеста" (Малая Авеста), составлена из коротких молитв, называемых Гах, Ньяйиш и т.д. Зенд означает "комментарий или толкование", а Авеста (от древнеперсидского абашта) - "закон". (См. Дармстетер.) Как переводчик "Вендидада" отмечает в примечании (см. "Введ.", ХХХ), "то, что принято называть "языком Зенд", должно называться "языком Авесты", ибо Зенд вовсе не является языком; а если это

слово употреблять как обозначение языка, то это можно справедливо отнести лишь к пехлеви". Но с другой стороны, сам пехлеви есть лишь язык, на который переведены определенные оригинальные части "Авесты". Какое же название должно быть дано древнему языку "Авесты" и, в особенности, "специальному диалекту, более древнему, чем общий язык Авесты" (Дармст.), на котором написаны пять Гатх в "Ясне"? Об этом востоковеды молчат и по сей день. Почему Зенд не мог бы быть того же рода, если и не идентичен, что и Зен-сар, означая также речь, объясняющую абстрактный символ или "язык мистерий", употребляемый Посвященными?

ЗЕРВАНА АКАРНА или Зрвана Акарна (Пехл.) Как переведено из "Вендидада" (фаргард XIX), букв., "Беспредельное", или "Безграничное Время", или "Продолжительность в Круге". Мистически - Безначальный и Бесконечный Единый Принцип в Природе; Сат Веданты; а эзотерически - Вселенское Абстрактное Пространство, синоним Непознаваемого Божества. Это Эйн-Соф зороастрийцев из которого излучается Ахура Мазда, вечный Свет и Логос, из которого, в свою очередь эмануирует все, что имеет бытие, существование и форму.

ЗЕВС (Греч.) "Отец богов". Зевс-Зен есть Эфир, поэтому некоторые латинские расы называли Юпитера

ЗИКУ (Аккад.) Предвечная материя, от Зи, духо-субстанция, Зикум и Зигарум.

ЗИО (Сканд.) Также Тир и Тий. Бог в "Эддах", который победил и заковал в цепи Волка Фенрис, когда тот угрожал самим богом в Асгарде, и при этом потерял руку в битве с этим чудовищем. Он - бог войны, и ему широко поклонялись древние германцы.

СЕПФОРА (Евр.) Букв., светящийся, излучающий. В библейской аллегории "Книги Бытия", Сепфора есть одна из семи дочерей Иефро, мидийского жреца, посветившего Моисея, который встречает Сепфору (или духовный свет) у "колодца" (окультное знание) и женится на ней.

ЗИРАТ-БАНИТ (Халд.) Жена великого божественного героя ассирийских табличек, Меродака. Она отождествляется с Суккот Бенот из Библии.

ЗИРУФ (Евр.) Более точно, Цируф, способ гадания с помощью Темуры, или перестановки букв, преподававшийся средневековыми

каббалистами. Школа раввинов Абулафии и Гикатиллы делала большой упор на важность этого процесса Практической Каббалы. (у.у.у.)

ЗОДИАК (Греч.) От слова зодион, уменьшительное от зун, животное. Слово это употребляется в двояком смысле; оно может относиться к установленному и мысленному Зодиаку или к подвижному и естественному Зодиаку. "В астрономии", говорит Наука, "это есть воображаемый пояс на небе, шириною в 16° или 18° , посередине которого проходит путь солнца (эклиптика)." Он содержит двенадцать созвездий, образующих двенадцать знаков Зодиака, и именами которых они названы. Так как природа зодиакального света - той продолговатой, светящейся и треугольной фигуры, лежащей почти на эклиптике, со своим основанием на горизонте, и верхушкой на больших или меньших высотах, и которая видна только в утренние и вечерние сумерки - науке полностью неизвестна, то происхождение, истинное значение и оккультный смысл Зодиака были, и по-прежнему остаются, тайной для всех, кроме Посвященных. Последние умели хранить свои тайны. Между халдейским звездочетом и современным астрологом поистине простирается широкая бездна и по сей день; и они блуждают, по словам Альбумазара, "между полюсами и небесными кардинальными пунктами, посреди эксцентриситетов, центров, концентров, кругов и эпициклов", с пустой претензией на что-либо большее, чем профаническая человеческая ловкость. Все же, некоторые из астрологов, начиная с Тихо Браге и Кеплера, прославленных астрологов, и кончая современными Задкиилами и Рафаилами, ухитрились создать удивительную науку из тех скудных оккультных материалов, какие попадали в их руки начиная с Птолемея и до наших дней. (См. "Астрология".) Все же, возвращаясь к самому астрологическому Зодиаку, - это есть воображаемый круг, проходящий вокруг земли в плоскости экватора, причем его первая точка называется Овеном 0° . Круг этот разделен на двенадцать равных частей, называемых "Знаками Зодиака", каждая часть содержит 30° пространства, и по нему измеряется прямое восхождение небесных тел. Подвижный или естественный Зодиак есть последовательность созвездий, образующих пояс шириною в 47° , расположенный к северу и югу от плоскости эклиптики. Прецессия вызвана "движением" солнца в пространстве, из-за чего созвездия кажутся движущимися против порядка этих знаков со скоростью $50 \frac{1}{3}$ секунд в год. Простое вычисление покажет, что созвездие Тельца (по-евр. Алеф) было первым знаком Зодиака в начале Кали Юги, и, следовательно, Равноденствие падало на него. Так, в то время Лев был в летнем солнцестоянии, Скорпион - в осеннем Равноденствии, а Водолей - в зимнем солнцестоянии; и эти факты дают астрономический ключ к половине религиозных тайн мира - включая и христианскую систему. Зодиак был известен в Индии и Египте неисчислимыя века, и знания мудрецов (магов) этих стран, относительно оккультного воздействия звезд и небесных тел на нашу планету, были намного больше, чем профаническая астрономия когда-либо может надеяться достигнуть. Если даже

теперь, когда большинство тайн Асурамаев и Зороастров утеряны, достаточно убедительно показано, что гороскопы и судебная астрология далеки от того, чтобы основываться на фикции, и если такие люди, как Кеплер и даже сэр Исаак Ньютон верили, что звезды и созвездия влияют на судьбу нашего земного шара и на его человечества, то не требуется больших усилий, чтобы поверить, что люди, посвященные во все тайны природы, так же как и в астрономию и астрологию, в точности знали, каким образом так называемые "знаки Зодиака" влияют на народы и человечество, на целые расы так же, как и на индивидуумов.

ЗОХАК или Ажи Дахака. Персонификация Дьявола или Сатаны в образе змия, в "Зенд Авесте". Это трехглавых змий, одна из голов которого - человеческая. "Авеста" описывает его как обитающего в области Баури или Вавилонии. На самом деле, Зохака есть аллегорический символ ассирийской династии, на знамени которой был пурпурный знак дракона. ("Раз. Изиды", т. II, с. 560, прим.).

ЗОХАР или Sohar. Учебник каббалистической Теософии, который, вместе с "Сефер Иецирой", используется репутацией самого старейшего доступного трактата по еврейским эзотерическим религиозным доктринам. Предание приписывает его авторство раввину Симеону бен Иохан, 80 г. н.э., но современная критика склонна считать, что очень большая часть этого труда не старше 1280 г., когда он был несомненно отредактирован и издан раввином Мозес де Леоном из Гвадалахары, Испания. Читателю следует обратиться к сведениям под обоими этими именами. Так же и в "Люцифере" (т. I, с. 141) можно найти замечания по этому вопросу; дальнейшие рассуждения можно отыскать в трудах Зунца, Гретца, Джоста, Штейншнейдера, Френкеля и Гинзбурга. С большой пользой можно обратиться к труду Франка (на французском) "Каббала". Истина, по-видимому, находится посередине, т.е. что хотя Мозес де Леон и был первым, кто выпустил этот том как единое целое, все же большая часть некоторых из составляющих его трактатов включает традиционные догмы и иллюстрации, дошедшие со времен Симеона бен Иохан и Второго Храма. Есть и такие части доктрин "Зохара", которые носят отпечаток халдейской мысли и цивилизации, с которой еврейское племя столкнулось во время Вавилонского пленения. Все же, с другой стороны, чтобы опровергнуть теорию, что "Зохар" является древним в своей целостности, отмечено, что в нем упомянуты крестовые походы; что цитируется гимн Ибн Гебириля, 1050 г. н.э.; что о предполагаемом авторе, Симеоне бен Иохан, говорится как о более великом, чем Моисей; что в ней упомянуты гласные точки, вошедшие в употребление лишь когда раввин Моха (570 г. н.э.) ввел их, чтобы утвердить произношение слов в помощь своим ученикам, и, наконец, что в нем упомянута комета, которая появилась в 1264 г., что можно доказать на основании контекста.

Не существует полного английского перевода "Зохара"; ни даже латинского. Из доступных еврейских изданий можно выделить Мантуйское издание 1558 г.; Кремонское 1560 г.; и Люблинское 1623 г. Труд Кнорра фон Розенрота, под названием "Kabala Denudata", включает несколько трактатов "Зохара", но не все, как на еврейском, так и на латинском языках. Мак-Грегор Матерс опубликовал английский перевод трех из этих трактатов: "Книга Сокровенной Тайны", "Большое" и "Малое Святое Собрание", и в его труд входит также и авторское введение по данному предмету.

Основными трактатами, вошедшими в "Зохар", являются: "Сокровенный Мидраш", "Тайны Пятикнижия", "Дворцы и Чертоги Рая и Гайхиннома", "Преданный Пастырь", "Тайна Тайн", "Речь Старца в Мишпатиме", (наказание душ), "Джанука или Речь Юноши" и "Тозефта и Матанитан", - которые являются добавочными трактатами об Эманации и Сефиротах, в добавление к трем главным трактатам, упомянутым выше. В этом хранилище можно найти истоки всех позднейших разработок каббалистического учения. (у.у.у.)

ЗОРОАСТР Греческая форма Заратустры (см.).

ЗУМЬЯД ЯШТ (Зенд.) Или Zamyad Yasht, как некоторые пишут это. Один из сохранившихся маздеянских фрагментов. В нем рассмотрены метафизические вопросы и существа, особенно Амшеспенды или Амеша Спенты - Дхиан-Коганы книг "Авесты".

ЗУНИ Название некоего племени индейцев Западной Америки, очень древнего остатка еще более древней расы. ("Тайная Доктрина", II, 790.)

КОНЕЦ ПУБЛИКАЦИИ ТЕОСОФСКОГО СЛОВАРЯ

Татьяна ТОЛСТАЯ

Кысь

Copyright: Татьяна Никитична Толстая

Email: ttolstaya@hotmail.com

WWW: <http://www.tema.ru/rrr/litcafe/tolstaya/>

Толстая Т.Н., "Кысь". — Роман. — М., "Подкова";
"Иностранка", 2000. — 384 стр.

ISBN 5-8951701243 (Издательский Дом "Подкова")

ISBN 5-94145-001-X (Издательство "Иностранка")

УДК 300.36 ББК 15.56 йТ.

Содержание:

Аз	И краткое	Слово	Ер
Буки	И десятиричное	Твердо	Иры
Веди	Како	Ук	Ерь
Глаголь	Люди	Ферт	Ять
Добро	Мыслете	Хер	Фита
Есть	Наш	Ща	Ижица
Живете	Он	Ци	
Зело	Покой	Червь	
Иже	Рцы	Ша	

ЕРЬ

Бабского тулова, говорят, мало не бывает; верно говорят. Расперло Оленьку вширь и поперек - краше некуда. Где был подбородок с ямочкой, там их восемь. Сиськи на шестой ряд пошли. Сама сидит на пяти тубаретах, трех ей мало. Анадьсь дверной проем расширяли, да видно, поскупились: опять расширять надо. Другой бы супруг гордился. А Бенедикт смотрел на всю эту пышность безо всякого волнения. Не тянуло ни козу ей делать, ни щекотить, ни хватать.

- Ты, Бенедикт, ничего в женской красоте не смыслишь; вот Терентий Петрович, он ценит... Иди в другую горницу спать.

Ну и хрен с ней. Еще задавит ночью, приспит. Бенедикт справил себе лежбище в библиотеке. Оттуда храпа ее почти не слышать. И сигнал скорее придет.

Спал не раздевшись, мыться бросил: скушно. За ушами пыли набралось, сору, твари какие-то поселились: неспешные, многоногие, по ночам с места на место переходят, беспокоятся, может, гнезда свои перетаскивают, а кто - не видать: они ж за ушами. Ноги тоже пропотели и склеились. А без разницы. Лежишь как теплый труп; вот уши - они не слышат, вот глаза - они не глядят. Руки, правда, мыл; а это по работе требование.

«...А где этот ясный огонь, почему не горит?..»

Встанешь, на кухню сходишь, каклету из миски двумя пальцами выудишь, третьим стюдень с нее обобьешь. Съешь. Безо всякого волнения. Съел - и съел. Ну и что? В пляс теперь пускаться?

Отвернешь пузырь с окна - частый дождик моросит, в лужи бьет да бьет; тучи низкие, все небо обложили, днем темно, будто и не рассветало. Через двор идет холоп, - полой голову от дождя накрыл, лужи огибает, мешок сена перерожденцам тащит. Раньше - давно, ох, как давно, в прежней жизни! - раньше принялся бы гадать: поскользнется ай нет? Упадет ли? А теперь смотришь тупо так: да, поскользнулся холоп. Да, упал. А прежней радости нет.

«...Фонарщик был должен зажечь, да фонарщик вот спит, Фонарщик вот спит, моя радость, а я не при чем...»

В спальней горнице стук да бряк: Оленька с Терентием Петровичем в домино играют, смеются. В другое время ворвался бы в горницу как лютый смерч, Терентию рыло бы наквасил, зубов поубавил, выбил из семейных покоев пинками; Оленьке бы тоже звездюлей навесил: ухватил бы за волосья, за колобашки за ее, да об стенку сметанной мордой, да еще! Да еще раз! А ну-к, еще! Да каблуками потоптать, да по ребрам, да по ребрам!

А теперь и это все равно: играют и пусть себе играют.

Вот лежишь. Лежишь. Лежишь. Без божества, без вдохновенья. Без слез, без жизни,

без любви. Может, месяц, может, полгода, и вдруг: чу! будто повеяло чем. А это сигнал.

Встрепенешься сразу, наостришься. Пришло, али показалось? Вроде показалось... Нет! вот опять! явственно! На локте приподымешься, ухо набок свесишь, будто слушаешь.

Вот будто свет слабенький в голове, - как свеча за приотворенной дверью... Не спугнуть его...

Вот он чуть окреп, свет-то этот, видать вроде как горницу. Посередь горницы - ничего, а на ничеве - книга. Вот страницы перелистываются... Вот будто к глазам приблизилась, уже различить можно, что написано...

Тут все во рту пересохнет, сердце стучит, глаза совсем ослепнут: только книгу и видишь, как она перелистывается, все перелистывается! А что вокруг тебя делается, того не видишь, а ежели и видишь, то смысла-то в этом никакого и нету! Смысл - он вон где, в книге этой; она одна и есть

настоящая, живая, а лежанка твоя, али тубарет, али горница, али тесть с тещей, али жена, али любовник ее, - они неживые, нарисованные они! тени бегучие! вот как от облака по земле тень пробежит - и нету!

А что за книга, где лежит, почему перелистывается, - листает ли ее кто? сама ли колышется? - неведомо.

Вот как-то дернуло, - кинулся и проверил Константин Леонтьича. Ехал мимо, так и дернуло: а если у него?.. Ничего не было, одни червыри на бечевке. Вот это был сигнал ложный.

А бывает истинный сигнал, и бывает ложный: коли сигнал истинный, то видение это, что в голове-то видишь, - оно как бы крепнет, али сказать, плотней становится; книга, что привиделась, все тяжелеет, тяжелеет: поначалу она прозрачная, водянистая, а потом сгущается, бумага у ей такая белая, али желтоватая, шероховатая, каждую веснушку, али пятнушко, али царапинку видать, словно близко на кожу смотришь. Смотришь и смеешься от радости, словно вот сейчас любовничать собрался.

Буковки тоже: поначалу скользят, прыгают, как мураши, а опосля ровными такими рядками ложатся, черненькие, шепчут. Которые открытые, али сказать, распахнутые, будто бы приглашают: заходи!

Вот буква "он", окошко круглое, словно бы смотришь через него с чердака на гулкий весенний лес, - далеко видать, ручьи видишь и поляны, а повезет если, глаз если настроишь, то и Птицу Белую, малую, далекую, как белая соринка. Вот "покой", - так это ж дверь, проем дверной! А что там за ним? - незнамо, может, жизнь новая, неслыханная! Какой еще не бывало!

А вот "хер", али "живете" - те, наоборот, загораживают путь, не пускают, крест-накрест проход заколачивают: сюды не пуцу. Неча!

"Ци" и "ща" - с хвостами, как Бенедикт до свадьбы.

"Червь" - как стуло перевернутое.

"Глаголь" - вроде крюка.

Вот если сигнал истинный, то все это вместе: и бумага, и буквы, и картины, что через буквы видать, и шепоты перебегающие, и гул какой-то, и

ветер, что от листаемых страниц подымается, - пыльноватый, тепловатый, - все это вместе сгустится, предстанет, нахлынет, воздушной какой-то волной обольет, и тогда знаешь: да! Оно! Иду!

И мигом отпала, отвалилась, покинула, на лежанке осталась вся тяжесть, вялая смута, густое, телесное, мясное колыхание с боку на бок; ни мути, ни лени, ни болота душевного, вязкого, хлюпкого; встаешь весь сразу, единым порывом, как натянувшаяся нить, легкий и звонкий; цель в голове: знаешь, что делать, собран и весел!

Отпала, говорю, вся вязкая тяжесть, - только порыв! только душа!

Сам собою, точно главная, волшебная кожа, лег на плечи балахон, надежной защитой вспорхнул на лицо колпак; видеть меня нельзя, я сам всех вижу, насквозь! Оружие крепкое, верткое само приросло к руке, - верный крюк, загнутый, как буква "глаголь"! Глаголем жечь

сердца людей! Птичьим, переливчатым кликом, взмахом руки призываю товарищей; всегда готовы!

Чудо-товарищи, летучий отряд! Кликнешь со двора, али с галереи - тут они! словно не спят, не едят, каждая дюжина - как один человек! Готовы, вперед! Суровое, светлое воинство, поднялись и летим, в зной ли, в лютую вьюгу, - нет нам преград, расступаются народы!..

Врываемся и берем; спасаем. Если сигнал истинный был, - берем и спасаем, потому что она там и вправду есть, Книга. Позвала, поманила, голос подала, привиделась.

А если сигнал ложный - ну, значит, нет ничего. Вот как у Константин-то Леонтьича. Ничего, кроме мусора.

А с Константин Леонтьичем глупо вышло: а почему, - да потому что ехал себе Бенедикт в санях, туча-тучей, весь набряк и оплыл от дум, а думы темные и слезливые, как осенние тучи, - что на небе тучи, что в грудях, правильно фелософия учит, - без разницы! Сам, и не видя себя, знал, что глаза кровью налиты, под глазами провалилось, притемнилось личико, кудри притемнились, слиплися, нечесаны, немыты, - голова стала плоская, как ложка; от курева в глотке липкость, как глины поел. За угол заворачивали, и вдруг дернуло что-то: вон там. В той избе.

И вот ведь, допустил своеволие, али сказать, нарушение техники: не подумавши, с ходу пошел

один, без товарищей. Стой! - Николаю; натянул вожжи, остановил: жди тут; набросил колпак, калитку торкнул ногою.

Учат: одному на изъятие ходить - своеволие, а и правильно учат: за огнецами ведь один не пойдешь? Догадается огнец, что это человек, заголосит, и потухнет, и других предупредит? А то и ложный окажется? А и в нашем деле все точно так же: наука, она едина.

Голосил Константин Леонтьич, и противился, и по руке Бенедикта ударял ужас как больно. По-научному - затруднял изъятие.

Соседей звал истошно, - не пришли, затаились; колпак сорвал и узнал Бенедикта, и визжал, и бил в личико, узнавши.

Царапал сильно и мятежно; даже и повалил.

А вот за крюк напрасно руками хватался: крюк обоюдоострый, хвататься за него руками не надо.

Он не для того.

Крюк для того, чтобы книгу ухватить, подцепить, подтащить, к себе поддернуть; он не тыка; он для чего отточен? - для того чтоб неповадно было голубчику книгу удерживать, когда ее изымают, а то ведь они все в книгу вцепляются; вот он и отточен. Шалишь, не удержишь, сей же миг руки обрежешь, и пальцы долой все до единого!

И снаружи, и внутри он отточен со страшной силой, оттого-то и нужна сноровка хватать им да вертеть; оттого-то на каждой изъятой книге от крюка надрез бывает, словно ранка. Неловкий

санитар невзначай и зарубить книгу может, а этого допускать ни в коем разе нельзя, нельзя искусство губить. Если работа хорошая, чистая - книгу одним махом поддержнуть можно, разве что малый шрамик останется.

Вот и работают группой, али бригадой: один товарищ книгу изымает, другие голубчиков, кто в избе случится, своими крюками за одежду, за шиворот прихватывают, наматывают.

А еще чем крюк сподручен: ежели голубчик буен, то крюком хорошо ему ноги-то подсесть, чтобы сразу грохнулся, а для такого случая есть еще и рогатина на подхвате: тоже научный инструмент, но попроще, а с виду как буква "ук", али ухват. А кто упал, тому сразу рогатиной шею к полу прижать, чтобы пресечь вставание.

Раньше-то санитарам еще тыка была дадена, пырь! - и дух вон; а теперь нет, теперь гуманность.

А еще санитар себя блюсти должен, руки у него всегда должны быть чистыми. На крюке непременно грязь от голубчика бывает: сукровица, али блевота, мало ли; а руки должны быть чистыми. Потому Бенедикт руки всегда мыл.

Потому как книгу после изъятия в руках держать будешь. В Санях-то когда назад едешь.

Вот, в общем и целом, такая технология, али приемы, али научная организация труда; кажется, - просто; ан нет, не просто. Тесно в избе и темно, друг на друга натыкаешься, - многие жалуются.

Так что своеволие тут неуместно, а Бенедикт, как всегда, допустил, - вот и получил от Константин Леонтьича увечья: на руках, и на личике, на грудях тож; и ногу подвернул. И, главное, зря: сигнал ложный был, книги не было.

Как раз Октябрьский Выходной был, Константин Леонтьич на ежегодный пересчет собирался, ветошь в лохани стирал, - порты, рубаху. Ну что ж, недосчитаются Константин Леонтьича мурзы, одним голубчиком меньше будет. Пометят в казенных списках: взят на лечение.

Не все ж тебе, мурза, людей считать.

В декабре месяце, в самое темное время года, окотилась Оленька тройней. Теща зашла, позвала Бенедикта посмотреть на помет, поздравила. Он лежал, пустой и грузный, ждал сигнала; сигнала не было. Ладно, пошел глянуть.

Деток трое: одна вроде самочка, махонькая, пищит. Другой вроде как мальчик, но так сразу не скажешь. Третье - не разбери поймешь что, а с виду как шар - мохнатое, страховидное. Круглое такое. Но с глазками. Взяли его на руки покачать, запели: "а-тутусеньки, тутусеньки тату! а-кукусеньки, кукусеньки куку!", - а оно толк! - оттолкнулось, да на пол и соскочило, по полу клубком покатилося и в щель ушло. Бросились ловить, руки растопыривать, тубареты, лавки двигать, - куды там.

Бенедикт постоял, посмотрел, как сквозь туман, проздравил Оленьку с благополучным окотом. Пошел к себе. Теща побежала Терентия Петровича звать смотреть, внучатами хвастать.

Залег на охнувшую, застонавшую лежанку, - знатную пролежал себе яму за пустые годы, за бессчетные безрадостные ночи, - хмурился, думал: ушло под пол, это бы ладно; а вот кабы не вылезло, книг грызть не начало; может, законопатить щели-то? Половицы совсем прохудились. Семья-то наскребет за день копны, другой раз идешь, смотришь - словно цельная голова волос на пол упамши! Неровен час, выйдет это-то, что под пол ушло, да и шасть в книжную горницу. Переплет поест, корешок... Там же клей. Кожа иногда.

Вот не было заботы, так подай... Ведь поест, беспрерывно поест! Ему ж есть надо? Отовсюду искусству угрозы: то от людей, то от грызунов, то от сырости! И ведь как раньше глуп был, слеп Бенедикт, как все равно слепцы на торжище: поют-заливаются, а сами во тьме живут, им и в полдень темно! Как понятия-то у него не было, будто у червяка! Вопросы задавал глупые, лоб морщил, рот открывал пошире, чтоб думать сподручнее, а все не понимал.

Отчего, дескать, у нас мышей нету? Отчего нам мышей не надобно? Да потому и не надобно, что жизнь духовная: книги, искусство у нас сбережены, а мышь выйдет да и поест нашу сокровищницу! Зубками своими малыми, острыми зыг-зыг-зыг, да и погрызет, потравит!

А у голубчиков жизнь другая, им на мышь опираться надо. Без мыши им никуда. Суп, конечно, жаркое, зипун если сшить, мену какую на торжище сделать, налог платить, али, лучше сказать, ясак, - домовой, подушный, печной, - на все мышь нужна. Стало быть, книгу им держать в доме нипочем нельзя! Тут уж или одно, или другое .

А почему еще жизнь духовную называют возвышенной? - да потому что книгу куда повыше ставят, на верхний ярус, на полку, чтобы если случись такое несчастье, что пробралась тварь в дом, так чтобы понадежнее убереечь сокровище. Вот почему!

А зачем у тестя, у тещи, у Оленьки на ногах когти? - да все затем же! Чтоб духовность сторожить! Чтобы на страже от мышей быть! Мимо не прошмыгнешь! Для того и три забора вокруг терема наворочены! Для того и охрана строгая! Для того и обыскивают при входе! Потому что будь ты хоть кто, хоть самый что ни на есть жених али другой особый посетитель, а мышь с собой пронести можешь, и сам не заметишь.

В волосах если колтун - она там гнездо свить может.

В карманах, бывает.

В валенке.

Уж до того это ясно, что яснее и не бывает, а вот не понимал. И Болезнь не понимал, думал невесть что; а Болезнь - в головах, Болезнь - невежество людское, дурь, своеволие, темнота,

когда думают, что, мол, ничего, пущай в одной избе и книга, и мышь побудут. Эвон! Книгу-то в одну избу с мышью! Страшно и представить!

И вот ведь упрямство какое у гадин: ведь можно подумать, что им читать не дают, стихи отымают али эссе какой! Для чего ж государство и писцов завело, для чего Рабочие Избы понаставило, грамоте учит, письменные палочки выдает, бересту обдирает, книжицы берестяные шьет? Ему ж, государству, от этого только забота лишняя, напряг, беспокойство! А все для народа, все для него! Налови ты себе мышей ради Бога, да и сменяй на книжицу, да и читай, тудыть!..

От гнева сжимал кулаки, метался на лежанке, а в голове все ясней да ясней становилось, вроде как просторы развигались! Господи! Да ведь так же всегда и было: и в древности то же самое! "Но разве мир не одинаков в веках, и ныне, и всегда?.." Одинаков! Одинаков!

Здесь на земле, в долинах низких
Под сенью темных смрадных крыш
Связала паутина близких,
И вьет гнездо земная мышь.

Толпятся близкие в долине,
Шумят, - но каждый одинок
И прячет у себя в пустыне
Застывший, ледяной комок.

Вот! И древний человек туда же: хулиганил, своевольничал, книгу прятал: на морозе где-то, в сырости, оледеневшую, комком! Понятно теперь!

**...Вот в щели каменные плит
Мышиные просунулися лица,
Похожие на треугольники из мела,
С глазами траурными по бокам...**

Да, мыш-то не удержишь! В любую щель пройдет!

**...Жизни мышья беготня,
Что тревожишь ты меня?**

А-а, брат пушкин! Ага! Тоже свое сочинение от грызунов берег! Он напишет, - а они съедят, он напишет, а они съедят! То-то он тревожился! То-то туда-сюда по снегу разъезжал, по ледяной пустыне! Колокольчик динь-динь-динь! Запряжет перерожденца да и в степь! Свое припрятывал, искал, где уберечь!

**Ни огня, ни темной хаты,
Глушь и снег, навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне!**

Местечко искал, где зарыть... Всё так прояснилось, что Бенедикт сел, спустил ноги с лежанки. Как же он раньше-то... Как же указание-

то пропустил... А давеча! Что пели-то с Лев Львовичем!

**Степь да степь кругом,
Путь далек лежит!
В той степи глухой
Умирал ямщик!**

Ну? Чего его в степь понесло, если не книгу прятать? "... у себя в пустыне застывший, ледяной комок".

**А жене скажи,
Что в степи замерз,
А любовь ее
Я с собой унес!**

Какую "любовь"? Да книгу же! Что ж и любить, как не книгу?! А?!..

"С собой унес". Жене просит сообщить, чтоб не искала... А то хватится... Вот тебе и стихи! Не стихи это, а притча! Руководящее указание в облегченной для народа форме!

Вот он отчего плакал-то, Лев Львович-то! Небось, тоже зарыл, теперь не найдет! Тут заплачешь! Запел да и вспомнил!

**А как они Бенедикту намек делали? Бенедикт им: нет ли, де, книжечки почитать? А они ему: ты грамоте не учен. А он им: как же не учен, я учен!
А**

они ему: степь да степь кругом. Намек такой. Притча. Там, мол, книги зарыты. Дома не держим.

Так. Степь у нас - где? Степь на юге... А что же он все приговаривает: запад нам поможет?.. А Никита Иванович ему: нипочем, дескать не поможет, должны сами. Так как же? Где?

Теща в дверь стукнула:

- Детей купать!.. Смотреть будете?

- Не мешать!!! - крикнул Бенедикт истошно, рукой рубанул наотмашь. - Дверь закрыть!!!

- Дак купать-то?..

- Дверь!!!

С мысли сбила, тудыть!.. Бенедикт торопливо облачился, - зипун, балахон, колпак, - ссыпался по лестнице, свистнул вялому Николаю запрягаться.

Погонял нетерпеливо, притоптывал в санях валенком. Горизонт обсмотреть. Непременно надо горизонт обсмотреть. Пока еще свет зимний, малый не погас, - обсмотреть горизонт на четыре стороны.

К дозорной башне ехал Бенедикт, вот куда. Никогда еще он на дозорную башню не лазал, да и кто ж голубчика на нее допустит? Запретная дылда, государственная, - только стражи да мурзы на башню допускаются, а почему? - потому что видать с нее далеко, а это дело государственное, не для всякого! Незачем простому голубчику вдаль смотреть: не по чину! Может там, вдали, войско какое идет! Может,

лютый враг на нашу светлую родину
покусился,
палок наострил да и в поход выступил! Это ж
дело государственное! Нельзя! Да только
Бенедикта никто нипочем не остановит, как есть
он санитар.

Не остановили. Естественно.

Дозорная башня вышиной выше самого
высокого терема, выше дерева, выше
александрійского столпа. Наверху - горница. В
горнице, в стенах ее, - четыре окна, четыре
прорези на четыре стороны света. Поверху
крыша о четырех скатах, шапкой. Вот как мурзы
носят. Снизу смотришь, - высоко-высоко вверху,
под облаками, государевы работники, стражи
копошатся, будто мураши маленькие, -
переползают с места на место, чего-то там
шуруют. Внизу охрана с бердышами. Бенедикт
тяжело, по частям восстал с саней, глянул
страшными очами сквозь багряные прорези,
поднял крюк, - охрана пала ниц, в твердый
морозный наст. Вступил в башню. Пахнуло
псиной от нечистых зипунов, тяжким духом
дешевой ржави: курили сырую, неочищенную, с
остьями и соломой. Деревянные ступени
гремели под ногами. Винтовая лестница с
желтой наледью, - тут справляли нужду,
затапывали окурки; на стенах,
посверкивающих изморозью, выцарапывали
матерное, привычное. Бездуховность...
Восходил долго, опираясь на крюк, на

площадках отдыхал. Из рта выходил пар, да так и оставался висеть клубком в стылом, сраном воздухе.

На верхней площадке испуганно дернулись, обернулись на красный балахон государевы работники.

- Вон! - приказал Бенедикт.

Работники дрызнули прочь, бросились вниз, толкаясь, грохоча восемью ногами.

С башни видно далеко. Далеко!.. - да и слова такого нет в языке, чтоб сказать, докуда видно с башни! А кабы и было такое слово, так вымолвить его страшно! У-у-у, докуда! - до дальней дали, до крайнего края, до предельного предела, до смерти! Весь блин земной, вся небесная крыша, весь холодный декабрь, весь город со всеми своими слободами, с темными кривыми избушками, пустыми и распахнутыми, прочесанными частыми гребнями санитарных крюков и еще заселенными, еще копошащимися бессмысленной, пугливой, упрямой жизнью!..

О мир, свернись одним кварталом,
Одной разбитой мостовой,
Одним проплеванным амбаром,
Одной мышиною норой!..

Закат желтый, страшный, узкий стоял в западной бойнице, и вечерняя звезда Алатырь сверкала в закате. Маленькой черной палочкой в

путанице улочек стоял пушкин, тоненькой ниточкой виделась с вышины веревка с бельем, петелькой охватившая шею поэта.

Восход лежал густо-синим пологом в другом окне, укрывая леса, и реки, и опять леса, и тайные поляны, где под снегом спят красные тюльпаны, где зимует, вся в морозных кружевах, в ледяном узорчатом яйце, с улыбкой на пресветлом лице вечная моя невеста, неразысканная моя любовь, Княжья Птица Паулин, и снятся ей поцелуи, снится шелковая мурава, золотые мухи, зеркальные воды, где отражается ее несказанная красота, - отражается, переливается, зыблется, множится, - и вздыхает во сне Княжья Птица счастливым вздохом, и мечтает о себе, ненаглядной.

А на юге, страшно подсвеченном двойным светом, - желтым с запада и синим с восхода, - на юге, заслоняя непроходимые снежные степи с свистящими смерчами, с метельными столбами, на юге, бегущем, все бегущем, все убегающем к синему, ветреному Море-окияну, на юге, за оврагом, за тройным рвом, во всю ширину окна распластался красный, узорный, расписной, резной, многокупольный, многоярусный терем Федора Кузьмича, слава ему, Набольшего Мурзы, долгих лет ему жизни.

- Га-а! - засмеялся Бенедикт.

Радость брызнула квасом, пенистым, искристым.

**Радость, дочь иного края,
Дщерь, послушная богам!!!**

**Все вдруг стало ясно, прозрачно, как в
весеннем ручье. Все открылось, как в полдень.
Вот же! Вот!.. Вот, прямо перед ним, нетронутый,
нетраченный, полный до краешка ларец,
волшебный сад в цветах и плодах, - в бело-
розовом кипенье, истекающий сладчайшим
соком, как миллиард спелых огнецов! Вот,
набитый от гулких подвалов до душистых
чердаков, дворец наслаждений! Пещера Али-
Бабы! Тадж-Махал, бля!**

**Ну да! На юге, верно! Вот запад-то и помог!
Свет-то с запада, звезда-то путеводная! Все и
осветила! Догадался, вычислил, понял намеки,
притчу понял, - все и сошлось!**

**Он зажмурился от счастья, крепко стиснул
веки, помотал головой; вытянув шею,
высунулся в прорезь бойницы, чтобы лучше
чувствовать; он вдыхал аромат мороза и
дерева, сладких дымков, кудрявившихся из
печных труб Красного**

**Терема; с сомкнутыми веками он словно бы
видел лучше, слышал острее, чуял явственней;
там, там, совсем рядом, совсем близко, за
оврагом, за рвом, за тройной стеной, за высоким
частоколом, - но ведь через стену можно
перепрыгнуть, под частокол проскользнуть. Вот
сейчас бы мягко, мягко, неслышно и невидимо
соскочить с башни, перенестись в вихре метели,
легкой пылью через овраг, снежным смерчем в**

слуховое окно! Ползком и скачком, гибко и длинно, но только не упустить, не потерять следа; ближе, все ближе к терему, ни следа не оставить на снегу, ни подворотного пса не спугнуть, ни домашней твари не потревожить!

И упиться, упиться, упиться буквами, словами, страницами, их сладким, пыльным, острым, неповторимым запахом!.. О маков цвет! О золото мое нетленное, невечернее!

- Ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы!!!!.. - крикнул в блаженстве Бенедикт.

- Что, зятек, созрел? - тихо засмеялись сзади, над ухом. Бенедикт вздрогнул и открыл глаза.

- Ну вас совсем, папа! Напугали!

Тесть подкрался бесшумно, даже половицы не дрогнули. Видно, когти втянул. На нем тоже был красный балахон, на голове - колпак, только по голосу да по вони слышно было, что, - да, тесть, Кудеяр Кудеярыч.

- Дак как? - шепнул тесть. - Ковырь?

- Не понял...

- Сковырнуть тянет? Федора Кузьмича, слава ему, скovyрнуть готов? Злодея-мучителя? Карлу проклятого?

- Готов, - твердо шепнул и Бенедикт. - Папа! Я бы его своими руками!..

- Сердечко твое золотое!.. - радовался тесть. - Ну?! Наконец-то!.. Наконец-то!.. Дай обниму!

Бенедикт с Кудеяр Кудеярычем стояли обнявшись, смотрели на город с высоты. В

избах затеплились синие огоньки, закат погас, проступили звезды.

- Давай друг другу клятву дадим, - сказал Кудеяр Кудеярыч.

- Клятву?

- Ну да. Чтоб дружба навек.

- А... Давайте.

- Я тебе - все. Я тебе дочь отдал, а хочешь - жену уступаю?

- Н-н-необязательно. Нам нужен кант в груди и мирное небо над головой. Закон такой, - вспомнил Бенедикт.

- Верно. И чтоб вместе - против тиранов. Согласен?

- А то.

- Разорим гнездо угнетателя, лады?

- Ох, папа, там книг как снега!

- И-и, милый, больше. А он картинки из них дерет.

- Молчите, молчите, - заскрежетал зубами Бенедикт.

- Не могу молчать! Искусство гибнет! - строго высказал тесть. - Нет худшего врага, чем равнодушие! С молчаливого согласия равнодушных как раз и творятся все злодеяния. Ты ведь "Муму" читал? Понял притчу? Как он все молчал-молчал, а собака-то погибла.

- Папа, но как...

- Ништяк, все продумано. Революцию сделаем. Только тебя и жду. Ночью полезем, он ночью-то не спит, а стража будет умаямши. Лады?

- Но как же ночью, ночью темно!

- А я на что? Али я не светоч?

Тесть пустил глазами луч и засмеялся довольно.

Чисто и ясно, льдисто было на душе. Без неврозов.

(продолжение предполагается)

АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ

37

В лифте Данилов нажал кнопку Второго Слая. Во Втором Слое квартировали увечные воины.

Теперь Данилов был спокойнее и разглядел в кабине новинку — кондиционер. В лифте никогда не было ни душно, ни холодно, а вот на тебе — взяли и поставили.

И во Второй Слой Данилов вышел не без робости. Какая надобность была здесь в нем? Виды во Втором Слое были живописные. Ароматы обтекали Данилова изумительные. Сюда не проникали ни звуки, ни запахи из складских помещений Первого Слая, где содержались в мучениях или весельях уловленные души. Здесь, в местах, отведенных обществу, происходило гуляние, как в каком-нибудь Баден-Бадене. Всюду были выведенные линейкой или шнуром боскетные городки, прелестные трельяжные беседки с розетками и гирляндами, зеленые тоннели аллей берсо, фонтаны с золочеными драконами, их струи рассыпались жемчугами. Меж ними и прогуливались отдыхающие. Когда-то —

особенно в пору, называемую на Земле средневековьем, — иные из них выглядели страшилищами. Теперь на них — не на всех, конечно, и тут встречались своего рода хиппачи, а то и просто неряхи, — приятно было смотреть. То ли нравы облагораживались, то ли сильнее и устойчивее действовали людские моды. К тому же теперь на службе уродами имело смысл лишь пугать детей либо являться в страшных снах. Но во Втором Слое не было нужды работать, а своих-то и на отдыхе — что пугать?

В безделье — вполне оправданном — в виноградных и миртовых зарослях, под сенью струй, демоны бродили, летали, ползали, волочили ноги, играли в кости и дверные ручки, перебивали обухом плетъ, являлись приятелям духами, курили ядовитые травы, гадали. В этой местности Второго Слая отдыхали демоны низших статей, в крайнем случае — средних. Были меж ними бойцы, лицедеи и пройдохи, попали сюда, несомненно, и кровопийцы, и мародеры. Данилов прошелся аллеями, побродил вдоль боскетов. Встретились ему некоторые знакомые старички, притомившиеся на службе, в частности лицейские преподаватели из младших групп. Встретились и демоны помоложе, ставшие инвалидами в горячих хлопотах. Встретились и калеки умственного труда. И просто лодыри, сбежавшие от деловых забот раньше срока. Данилов вступал с ними в беседы, говорил о том, о сем. О назначении ему времени "Ч" здесь

не знали. Но не тихие разговоры, не местные кущи занимали Данилова. Ему хотелось узнать что-либо о Кармадоне. Или увидеть Синезуда.

С судьбой Кармадона Данилов отчасти связывал теперь свою судьбу. Демон-стрелок Синезуд мог рассказать ему о несчастном домовом Беке Леоновиче. Он, Данилов, вверх Бека Леоновича в пучину (или в черную дыру?), и надо было узнать, есть ли шансы (и в нынешней ситуации) вернуть Бека Леоновича в Останкино. Но Синезуда Данилов не встретил.

Эти ветераны, хоть и были вольные птицы, квартировали в каморках (правда, довольно просторных). Аса со спецзаданием искать среди них было бы бессмысленно. (Да и зачем искать-то? Данилов, увидев Кармадона, все равно бы не подошел к нему. Но вот искал.) И Данилов отправился дальше, туда, где позволялось селиться личностям значительным. Но теперь уже отдыхающим. Или поверженным. Или разочарованным. Или обессиленным познанием. Эти отдыхающие имели просторы, свои пастбища и замки, горные хребты и водопады, свои коралловые острова, вулканы, долины гейзеров. Разочарованные просто скучали, как Манфред, на базальтовых плато, куда с трудом поднимались угрюмые горные козлы. Или в сырых пещерах, где глухо капало со сталактитов. Уставшие ветераны и калеки, вспоминая молодые годы, иногда устраивали в своих усадьбах землетрясения, холерные эпидемии, взрывы пороховых погребов. Порой

заходили к соседям сыграть в лото или выпить арабского вина. Некоторые просто дремали, в бочках или стеклянных сосудах. Места и тут были живописные. Данилов, не вторгаясь ни в чьи пределы, — да и кто бы позволил ему вторгаться! — не перелетев ни через чей частокол, обтянутый металлической мелкой сеткой, или же частокол чисто духовный, выяснил, что Кармадон во Втором Слое участка не получил. На всякий случай Данилов как бы праздным странником пронесся мимо места уединения внучатого дяди Кармадона — Мефистофеля. Дядя имел хижину пустытника, впрочем, в три этажа и вполне современных линий. Теперь дядя стоял возле крыльца своего жилища в фермерском комбинезоне и из алюминиевого таза горстями разбрасывал просо калифорнийским петухам. Аккуратные грядки чертополоха, куриной слепоты, бледных поганок указывали на то, что дядя Кармадона увлекается огородничеством. Это было трогательно. Но не ради грядок Данилов заглядывал на участок дяди. А Кармадон у дяди не гостил.

Оглядев напоследок войнов, Данилов вздохнул и отлетел к дверям лифта.

В лифте он нажал седьмую кнопку.

Нажал, не подумав. Седьмой Слой назывался Слосом Удовольствий, и ему ли, Данилову, было являться сейчас на балы и банкеты? Да и прилично ли он был одет для Седьмого Слая? Но что теперь делать! Нажал кнопку и нажал. Не

то чтобы в некотором кураже находился сейчас Данилов, но все же он явно храбрился, чуть ли не вызов бросал кому-то. Или, может быть, просто своему положению. Данилов ехал, нервничал, вспоминал, каким он являлся в Седьмой Слой Удовольствий в юные годы.

Тогда он был удачливым повесой, ему прощалось многое. Какими глазами глядели на него дамы! И в них играла кровь, и в нем. Впрочем, сам Данилов не слишком давал разгораться душевному пламени и не искал покровительства пусть и прелестных дам. Он был горд и самостоятелен. Было время, он служил в Седьмом Слое, устраивал там фейерверки, играл на лютне чувственные пьесы, танцевал на балах. Коли б он остался на службе при Седьмом Слое в Канцелярии от Наслаждений, разве нашелся бы нынче повод назначать ему время "Ч"?

Но тогда бы Данилов не попал на Землю. А о том, что он попал на Землю, Данилов жалеть не мог.

В Седьмом Слое было удивительно тихо. И свет был тусклый. Странные звуки раздавались вдалеке, однако они не имели никакого отношения к музыке. Звуки были деревянные и тряпичные. Будто где-то сдвигали мебель и мокрой шваброй терли пол. Буйствам, гуляниям, танцам и фейерверкам полагалось происходить здесь вечером и ночью. Но, может быть, стрелки ходиков с кукушкой находились вовсе не там, где им следовало бы находиться? По

ощущениям Данилова дело шло к ужину, а здесь, скорее всего, протекало утро. "Надо перестраиваться", — решил Данилов.

Однако все равно. Утро утром. Пусть не гремят оркестры, не шуршат платья по паркетам. Но ведь тяжелым головам и подорванным организмам именно по утрам и необходимо решительное облегчение. Им нужен спасительный рассол! Живительная влага! В прежнюю пору всегда по утрам здесь открывались траттории, быстро и сосисочные. И голову можно было окунуть хоть в жбан со змеиными настойками, хоть в бочку с пивом.

А сейчас никакая жидкость поблизости не лилась и не булькала, ни одна буфетчица нигде не бранила иззябших натур и не ласкала их словом.

Но Данилов, пожалуй, был рад пустыне Седьмого Слоя. Теперь он понимал, что был не готов к появлению здесь в разгар веселий. Со сложными чувствами Данилов думал о возможности встречи с Анастасией. Анастасия была ему приятна, но, наверное, он побоялся бы теперь взглянуть ей в глаза. А ведь раньше земное в их отношениях не бралось в расчет. Прекрасная же Химеко, полагал Данилов, в Седьмом Слое вряд ли бы появилась. Она и прежде заглядывала сюда редко. И все же Данилов испытывал некоторое беспокойство оттого, что ни один знакомый, ни тем более Анастасия и Химеко, существа ему не безразличные, даже и не попытались пока войти

с ним в контакт. А ведь он уже давно впал в демоническое состояние, и, стало быть, по правилам договора, контакт был дозволен.

— Слушай, парень, — услышал Данилов хриплый голос. — Где здесь это?

Данилов обернулся. Лохматый, с трудом продиравший глаза демон стоял перед ним. Был он весь плюшевый, не то чтобы нацепил на себя плюшевое платье, нет, ходил именно с плюшевым телом, и ничего неприличного в этом теле не было. В страданиях пребывал он теперь, но, видно, жила в нем и надежда на освобождение от этих страданий.

— Что — это? — спросил Данилов. И сразу же подумал, что спросил зря.

То есть, конечно, собеседник мог иметь в виду туалет. о все же вернее было предположить, что его мучает иная нужда.

— Вон там, — указал Данилов в направлении, где раньше по утрам бушевали опохмельные.

Плюшевый демон улетел. Данилов хотел было последовать за ним. Однако плюшевый тут же вернулся. Он негодовал. То ли на Данилова, то ли на увиденное им. Вскрикивая, махая руками и крыльями, он сунул Данилову какую-то безобразную картонную табличку, сплюнул и исчез с гневным электрическим звуком. На табличке в восемнадцати смыслах значилось: "Санитарное время". "Ага, — сообразил Данилов, — стало быть, здесь ничего странного нет, а просто новые затеи". На всякий случай Данилов ринулся в опохмельные места. Нет, там

на самом деле всюду висели таблички санитарного времени. "Когда же они ввели-то?" — удивился Данилов. Тут он подумал о том, что не знает о многих здешних новостях. Ну хотя бы и о мелочах — о кондиционере в лифте или вот о санитарном времени, а ведь когда-то он во всё в Девяти Слоях с охотой совал нос, всё ему было интересно. "Какие они чистюли стали..." И он опять отметил, что называет здешних обитателей "они", как бы отстраняя себя от жизни Девяти Слоеов. Плохо это было для него или хорошо, Данилов не знал.

Не спеша Данилов обошел знакомые места Седьмого Слоя, улыбку умиления не раз вызывала его память. Однако и ирония взрослого была тут как тут. Скучно здесь было сейчас. Лишь где-то стукали ведра об пол, и тряпки терли паркет, линолеумы и флорентийские мозаики. Может быть, и Валентин Сергеевич в усердии поблизости скоблил пол. Но в памяти Данилова то и дело возникали чудесные картины. Он видел себя юношей, вот здесь он играл на лютне, вот здесь он раскладывал звездчатые ракеты для фейерверков "Черный цилиндр" и соединял их шнуром, вот здесь в беседке говорил пустые, но горячие слова голубой прелестнице, а та смеялась и покачивала перламутровым веером. Впрочем, что было теперь умиляться, вспоминая о наивных и легких радостях... Старым чувствовал себя в Седьмом Слое Данилов. "Но, может быть, — подумал Данилов,

— не столько я постарел, сколько я здесь стал чужой?" И в том, что при его появлении в Слое Удовольствий случилось санитарное время, Данилов усматривал теперь некий знак. Прежде здешний мир по отношению к нему был куда гостеприимнее. Впрочем, чему удивляться-то!

"Интересно, — пришло в голову Данилову, — и зоопарк нынче закрыт?" Когда-то Данилов любил отдыхать в зоопарке. В нем содержались твари, вымершие на Земле. Коллекция зоопарка то и дело пополнялась, территорию он имел обширную, но часто возникали разговоры о том, что парку следует отвести большие просторы. Ожидалось, что скоро сюда переберутся с Земли очень многие звери, птицы, рыбы и насекомые. Как, скажем, приплыла из волн Тихого океана в здешние водоемы простодушная стеллерова корова. Ни клеток, ни оград с зубьями и башнями в парке не было. Обитатели паслись, резвились, кушали кому кого полагалось, отстаивали свое существование в естественных природных обстоятельствах.

Зоопарк был открыт.

Данилов пробыл в Зоологическом саду недолго. Все его тянуло к своей постели и платяному шкафу. Будто там его ожидало какое-либо письменное распоряжение. Да и пить хотелось. В парке было два заведения с напитками. И по всему чувствовалось, что нынче они работали. Но на одном из них висела бумага со словами: "Только что ушла на базу",

другое было покинуто без объяснений. "Прежде порядки были строже!" — подумал Данилов с возмущением.

Снова он поглядел на плавающих ящеров, на динозавров, на мамонтов, на драконов, которые не оставили людям даже костей для исследований, а попали лишь в мифы и легенды. Все они были живые, резвые и вряд ли имели понятие, что на Земле они вымерли. В их движениях, полетах и прыжках была своя мелодия, забытая в Солнечной системе. Но и эти животные, многие подробности которых Данилов уже не помнил, не надолго отвлекли его от тревожных мыслей. Даже знакомый единорог — Данилов в детстве звал его Клеонтом, — увидевший Данилова, обрадовавшийся ему, и тот Данилова развеселил лишь на минуту. Данилов быстро ушел от Клеонта, а тот расстроился, взревел, задрав рог, бил по грунту копытами. "Не хватало мне тут еще расчувствоваться", — проворчал Данилов.

(продолжение предполагается)

Владимир ОРЛОВ

ШЕВРИКУКА, ИЛИ Любовь к привидению

Роман

(третья часть триптиха "Останкинские истории":
"Альтист Данилов", "Аптекарь", "Шеврикука")

24

Шевеление шло давно. Не первый, естественно, год. Ворчали, скрипели, дулись, шастали с транспарантами и кистенями. Но все происходило в недрах и касалось положений внутренних. Интриговали из-за масок, рож и ролей на ежезимних маскарадах в Оранжерее. И не одни лишь дамы. Боролись (это уже при

либеральных послаблениях) за укорот рабочих сроков общедоступных привидений и призраков. Требовали премий и ценных подарков за вредные дежурства в пострассветные часы. Да мало ли к чему стремились, объявляя порой в пылу борьбы и голодовки. Бузотерила и голодала, помнил Шеврикука, и Дуняша, что вызвало непонимание ее организма; он-то и наложил запрет на ее социальные диеты. Либеральными же послаблениями было дозволено привидениям свободное (но в соответствии с распорядком дня и исключительно в досужие часы) посещение людей. И вроде бы поленья не горели, и в котле не бурлило. Нечему и не от чего было бурлить. Находились, правда, типы, готовые все крушить. "Почему мы хуже других! - орали они вполголоса. - Почему мы обделены и остужены!" "На нас нет спроса, - отвечали им разумные головы. - Не то столетие. Нас и так держат из сострадания к исторической традиции. Мы живем на подачки. Сидите тихо. Знайте место. Вздыхайте, стоните, обгладывайте собственные претензии. Не буяньте. А то возьмут и всех нас снимут с довольствия!" И не буянили. Шевелились, бурчали, но не буянили.

И вдруг - спрос! Людское столпотворение на Покровке! Фотографии в газетах! Публицистика! Красные буквы в рост бульдога на боках троллейбусов, трамваев, молочных цистерн: "Хотите жить с привидением? Звоните по

телефону...". Тут и у умного откроется рот и потечет слюна. А много ли у нас умных-то? Вот и началось всполошение. Вековые амбиции. Восстановить справедливость! Фундаментальный спор "Кто кому является видением: мы им или они нам?", вечно тлевший, воспламенился и задымил. Были вскинuty вверх сравнительные таблицы тонкостей душевной организации "их" и "нас", и стало очевидно, у кого что и насколько тоньше. Естественно, "у нас". "Долой оккупацию суверенных судеб!" - сейчас же прозвучало требование. И все внутренние интриги, амбиции, свары, страсти были выплеснуты из недр вовне, и незамедлительно обнаружилось, что там-то и следует искать причины всех бед, подлостей и недоумений. Но этим, "внешним", временно суесящимся на Земле, что было до всполошения привидений и призраков? Они его и не ощутили...

И вышло, что возмущенная волна из своей лужи не выплеснулась, бока своей же кадки или кастрюли не поколебав и не пробив, вернулась внутрь, к источникам возмущения, и там взвихрила пляску-потасовку амбиций, интриг, подземельных свар, необоснованных фантазий и упований. При этом и впрямь какие только причудливые хари, давно уже, похоже, списанные или даже вычеркнутые из расписаний, не повылезли из туманов и щелей. Поначалу менее других волновались привидения Умеренных Добродетелей, к каким

принадлежали и Гликерия, и Дуняша, и Квашня, и даже Увека Увечная. То есть привидения и призраки общедоступные или общественно доступные. Те, что и в обстоятельствах так называемого просвещенного двадцатого столетия обязаны были являться по долгу службы в урочные часы на глаза (учитывались и иные системы людских восприятий) неблагодарной публике, избалованной зрелищами и способной лишь на ироничные реплики. Дети малые, и те швыряли в них обмусоленную жвачку. И все же они являлись. Дабы не порвалась связь времен. Лишь эстеты и элитарные ценители относились к ним с состраданием. И они если и роптали, то невнятно. А получив право свободного посещения людей, и вовсе возрадовались. "Кстати, - поинтересовался Шеврикука, - ты ходила в "Интурист" и в "Националь"? Я ведь сказал о тебе кое-кому, как ты и просила". "Ходила..." - зевнув, протянула Дуняша. "Ну и каково в путанах?" "А-а-а! - поморщилась Дуняша. - Нет свободы волеизлияния... И скучно..." Потом она сообщила, что в путаны полезли самые банальные привидения, и не так уж это выгодно, вот Квашня... Квашня, еще недавно бравшая у цыган в аренду ребенков, кормившая их при народе сухой, но голой грудью с целью вызвать акции милосердия, бросила это занятие. Теперь она в тапочках с меховой опушкой, в байковом халате, с заспанной мордой, с нечесаными волосами

("Только из дома, я здесь своя..."), хозяйкой города, сопровождала по магазинам приезжих добытчиц. Эти добытчицы не ущербнее ее, но хуже знают коммерческую географию. Смотрят они на какой-нибудь кулон ценой в полмиллиона и говорят: "Э-э! Такая дрянь и у нас есть!" И следуют дальше по советам Квашни. Та, коли надо, достает из спущенного чулка московские справки и талоны. Комиссионные гребет отменные. Так вот эти-то труженики будней вовсе не были первыми во всполошении. Интересно, что более всего петушились привидения, по разумению Дуняши, достойные называться консервами. В их числе - привидения Одного Случая. И привидения Приватные, эти могут являться лишь определенному индивидууму по его вызову или по назначению держателей силы. Но привидения Одного Случая попадались среди особей исторических. Им и так подмигнула фортуна, им бы теперь сидеть в своем музейном благополучии, перечитывать романы, просматривать кинофильмы, где мастерами изображались ужасы их единственного исторического появления. А они принялись скандалить. К тому же среди ветеранов сразу же возникали спорщики и претенденты. Всегда считалось, что призрак, увиденный в тронном зале Летнего дворца в одну из октябрьских ночей 1740 года сначала взводом караула, потом срочно вызванным Бироном и уж затем самой императрицей Анной Иоанновной, сразу же

сообразившей, что ей объявлена смерть, и через несколько дней скончавшейся, - один, и содержится в Санкт-Петербурге. А уже на второй день всполошения в Останкине обнаружилось три вестника кончины императрицы, причем двое из них - мужского пола. Призванные эксперты напомнили, что призрак, не произнесший, кстати, в роковую ночь ни слова, имел внешность Анны Иоанновны в парадном одеянии, что засвидетельствовано очевидцами, и никак не мог перебраться в Москву в силу многих обстоятельств. В том числе и транспортных. Новоявленных самозванцев выбрали. Но те не сдавались, заявляли, что были переодеты, слов же не произносили ради мрачности воздействия и чтоб не басить, а в Москву добирались — один на такси, другой - на частнике, склонив при этом водителей к монархическим воззрениям. А вот призраков, явившихся к графине и гневно отчитавших ее за превышение полномочий в использовании секрета трех карт, оказалось сразу двадцать семь, и многие из них добирались до Москвы из тогда еще Ленинграда электричками и без билетов. Иные же утверждали, ссылаясь на литературоведов, что и добираться им никуда не надо было, что секреты трех карт знали несколько графинь и в Москве тоже, и каждой из них посылали своего призрака. Все это были мрачные громилы, они тяжело дышали и чуть что — хватали холодное оружие. Но привидения и призраки Одного Случая хоть имели понятия о

правилах поведения, знали немецкий и французский или делали вид, что знают, и с ними были возможны осмысленные разговоры. А вот привидения Приватные (По вызову и По назначению) вели себя кое-как, неряшливо, безобразно, по-хамски. Они, необходимые персонажи кошмаров, раскаяний, страхов или тоски, галлюцинаций, приступов белой горячки и прочего, и в служебной практике не слишком уважительно относились к объектам своих явлений, угрюмо шутили над ними, кривлялись, озорничали, кричали и уж никак не подчинялись им. Они были распушенны, истеричны, а замкнутость их в однообразии действий и сутей рождала преувеличение собственных значений, и теперь они не по заслугам и не по чину многого хотели. (Попадались среди них и вполне добродушные и даже симпатичные личности, вроде епишек или бегемотиков финансиста Моховского, известных нам еще по пивному автомату на Королева пять; эти бегемотики часто паслись и резвились на Лужайках Отдохновения, и Дуняша любила играть с ними, кормила их с ладоней ячменным зерном.) Но большинство-то этих прыщей принялись проявлять теперь себя наглецами и дуроломами. Красавцев среди них выявилось мало. Все более уродцы, иные хитрованы и жулики, иные полоумные, иные вовсе без соображения, но все - деспоты. Лохматые, шершавые, лысые, в струпьях и гное, с пяточками и копытцами, с волчьими клыками, с

бантиками на хвостах и мохнатых пестиках, с шестью мордами и совсем без морд, какие хочешь и какие не хочешь, в страшных снах не приснятся, но уже приснились. Они прыгали, ползали, лаяли, хныкали, норовили вырвать у собеседника глаз, у кого имелся, грызли базальт, рыгали тухлыми яйцами и крысиным пометом, пахли перегаром бочкового вина "Алабашлы", льняным растворителем, дерьмом, блевотиной, спермой, платным туалетом, маковым и конопляным семенем, и все они требовали себе истинного положения в мировом устройстве. Пока, в начальной стадии всполошения, удалось согнать Приватные привидения в единую кучу и держать при ней зрителей с кнутами и щупами. Но установить порядок в этой куче было нелегко, образы Приватных привидений возникали внутри людей, там же определялись их характеры и способы поведения, и следовало пересмотреть всю систему управления этой шипящей, прыгающей, корчащей рожи, капризной толпой.

Глухо доходили сведения из мест, где сохранялись фигуры серьезные; там узы и тенета были тяжкие. И из Таинственных Чертогов, и из Чертогов Секретных. Из вместилищ, названия которых не могли быть упомянуты и в мыслях. Но и там свирепело и раскачивалось, и там-то содрогания вышли бы самыми решительными и опасными. Иметь удовольствия от них прежде всего пришлось бы местным персонажам, и им, Гликерии с

Дуняшей, в частности. Правда, те, кто более других соображал, а не расшатывал камни, какие на охотников расшатывать и повалятся, пустили в оборот словечко "прорыв". И полагали, что и доверить этот "прорыв" разумнее всего было бы Гликерии, и при ней - Дуняше. Гордецы, фундаменталисты и существа воздушные, — а их хватало, — считали, что люди и есть привидения и призраки, навязчиво и плотски вторгающиеся в их духовную суверенность. И что людей, как фантомов, надо ставить чрезвычайно низко, отвергать их искушения, не искать среди них выгоду, а заниматься усовершенствованием воздушных потоков. Но личности практические заметили: ага, а самозванцы будут пользоваться плодами наших садов! Вон на Покровке! Словом, эти соображения - "прорыв", "спрос", "пользуются плодами" - не могли не взбудоражить натур деятельных и не подтолкнуть их к затеям сиюсекундным и долговременным. При этом Гликерии с Дуняшей многие завидовали и не доверяли. Подпрыгивая и сам себе радуясь, пробежался слушок: мол, Гликерия с Дуняшей куплены и вступили в сговор с полпрефектом Кубариновым и распорядителем смотрин Дударевым. Иначе откуда такая удача со столпотворением московских жителей, иностранцев, и фотографии в газетах?

Неопределенным было нынче и положение Невзоры-Дуняши. Комиссия блюдателей распорядка, не вызывая пока Дуняшу к

протоколу, обмозговывала, как с ней поступить. Дуняшу, возможно, ждала холодная. В доме на Покровке она не должна была появляться. Но в ее проступке углядывались теперь две добродетели. Во-первых, она бросилась в бой, защищая достоинство отведенной ей в Доме Привидений госпожи (из-за тревог и предчувствий и ринулась на Покровку). Во-вторых, карая самозванку, отстаивала честь сословия и его право на исполнение самостоятельных функций в мироздании. (Всё это, естественно, при отсутствии сговора с людскими структурами.) Многие зависело теперь от свободного падения козырных карт на плоскость стола. Если "прорыв" и "спрос" лягут поверху — возможно, Дуняше не быть брошенной в холодную. И уж тем более не быть заквашенной с брусникой и смородиновым листом. Но движение происходило за спинами Гликерии и Дуняши. Оттого что многие сторонники "прорыва" и "спроса" подыскивали теперь своих фигуранток и фигурантов, какие могли бы иметь успех без всяких домов на Покровке, случайных Гликерий, Дуняш, самодеятельных самозванок типа Александрин, а подчиняясь требованиям равновесия устройств, Гликерию и Дуняшу следовало оттеснить, чтобы не мешались и уняли претензии, в сырую темень. "Как же, сейчас! - недобро усмехнулась Дуняша. - Обойдутся они без нас! Кто это на них клюнет! Но, может, и ночевать мне завтра в холодной..." Гликерия,

странствуя в музыкальных течениях, опустила вдруг пальцы в прохладные струи "Вечерней серенады". Нежное создание была теперь Гликерия...

- Дуняша, платье мое выглажено? - спросила Гликерия.

- И платье, и костюм, - ответила Дуняша. - Как изволили приказать, Гликерия Андреевна.

Дуняша поднималась как бы с ленцой и даже с намерением потянуться и размять свое большое, сильное тело, но не потянулась и не заахала в удовольствии, однако успела подмигнуть Шеврикуке, как своего поля овощу: мол, сам знаешь этих барынь с их капризами. И пошушукаться не дадут. "Как же, не дадут! - усмехнулся про себя Шеврикука. - Вот сейчас дали". Дали. Сколько посчитали нужным Дуняше выложить, столько она и выложила, пока протекала вода под темными елями и Шуберт одаривал хозяйку гостиней вечерне-грустным наслаждением.

Опять подпрыгнуло кресло, и зазвенели хрусталины жирандолей на ореховых этажерках. Шеврикуке стало не по себе.

- Этак у вас подхватишь морскую болезнь, - сказал Шеврикука.

- А ты, выходит, какой-то изысканный и слабохарактерный, - сказала Дуняша. - Значит, и впрямь не стоит приглашать тебя в проводники. Подберем другого.

- Подбирайте, - согласился Шеврикука. - Их сколько хочешь валяется. Только не затопчите. Кстати, а зачем вам, Дуняша, проводники, если вас вот-вот сволокут в холодную?

- Но, может быть, и не сволокут, - сказала Гликерия. - Может быть, проявят благоразумие.

- Может, не сволокут, - оживилась Дуняша. - Я ведь героическая и верная служанка. Я ведь не какая-нибудь Увека Увечная!

Вышло так, что слова свои Дуняша произнесла не для Гликерии и тем более не для Шеврикуки, а для кого-то иного, способного внимать. И вышло так, что слова эти, как бы игривые, прозвучали нервно, чуть ли не мольбой о помиловании.

- У Увеки Увечной, - Гликерия тихо вызвала пальцем басовый звук, - есть незримые, несовершенные доброжелатели.

- Увека Увечная, - с презрением бросила Дуняша, - из кикимор!

- Эти доброжелатели, - продолжала Гликерия, может, сами пробились из существ, близких к кикиморам. И она им приятна. Но теперь она им не кикимора, и не Увека Увечная, а Векка Вечная. И в делах с ней есть выгода.

- Увека хуже Совокупеевой Александрин! - рассердилась Дуняша. - Она у нас встанет на дороге!

- Или обойдет нас, - согласилась Гликерия. - Но пока она под надзором и в леднике.

- Обойдет! Она у меня обойдет! - совсем разошлась Дуняша. - Она у меня полетит в восьмом отсеке в Америку! Она у меня приводнится в заливе Ванкувер! Как же!

- В каком восьмом отсеке? - спросил Шеврикука. - В какую Америку? В каком заливе?

- А ты-то что? Тебе-то что! - воскликнула Дуняша. - Дезертир!

И всё же она выпалила, в каком отсеке, в каком заливе, в какую Америку. Вошли в повседневную жизнь дружеские обеды достойных супружеских пар двух континентов. Конечно, были хороши ароматы московской сборной солянки с каперсами, соком соленых огурцов и вареными языками, но им ни в чем не уступали запахи и пары черепаховых супов помэрилендски, или же новоорлеанского рубца, или жаркого из опоссумов, — да что говорить, увлекательными и далеко манящими были эти запахи. Но накануне, когда столы уже расставлялись в каком-нибудь Сиэтле, Портленде либо в авокадовом Сан-Диего, вы сами знаете, — в тихоокеанские доброприемные воды опадали послания из России, душевные и деловые. Доставлялись они в отсеках летучих изделий тружеников Самары. Изделия эти как раз к обедам возносились в небо в Архангельской губернии, на радость поморам. Что только ни возили в их отсеках. А привидений не возили. И вот арестантка Увека Увечная додумалась. Конечно, могли быть у нее

подсказчики из числа тех же доброжелателей, но, скорее всего, додумалась она сама. Не смогла прокатиться в Лихтенштейн в портсигаре негоцианта, но не изменила мечте или пагубной страсти. На обрывках молочного пакета карандашом для совершенствования ресниц написала послание-проект, неважно кому, естественно, полуграмотное, но с вкраплениями якобы английских слов, будто готовила себя в ведущие музыкальных развлекательных программ (кто бы ее взял!). Нет, в какие там ведущие! Наглости у Увеки Увечной скопилось столько, что она объявила себя жертвенной особой, готовой отдать все, но способствовать моментальному и историческому переносу привидения из Старого Света в Новый. Она была согласна на все неудобства, на любой отсек, даже на восьмой. Послание Увеки, конечно, перехватили, может, она и сама желала, чтобы его перехватили, а шелест о нем прошел, и если бы даже теперь Увеку решили проткнуть пикой, она свое приобрела. По поводу ее выходки имеют нынче рассуждения, да вдруг возьмут и рассудят доверить этой гнуси "прорыв". Другое дело, как его смогут устроить? Нужны ли обедающим супружеским парам к черепаховым супам и запеченным в раковине устрицам еще и привидения?

- Увека не достойна преимущества и удовольствий, - сказала Гликерия. - Но я ей не судья.

- А я судья! - воскликнула Дуняша. - Мне о ней судить очень просто. Имею основания. Только такую не хватает отправить в Прорыв! Конечно, если этот дезертир Шеврикука...

- Не держи его в голове, - сказала Гликерия.

Она опять вспомнила о "Картинках с выставки", и невылупившиеся птенцы стали осторожно стучать лапками. Один из них пробил скорлупу.

- Во мне возникает непредвиденное, - сказала Гликерия.

- Опять? - удивился Шеврикука.

- Во мне, Дуняша, возникает непредвиденное! - Гликерия уже пропела, и тема ее могла бы заинтересовать Верди. - Непредвиденное!

- И чем же вы теперь-то хотели бы владеть? - спросил Шеврикука.

- Туманностью Андромеды, - пропела Гликерия.

- Чем-чем?

- Чем? - переспросила Дуняша.

- Туманностью Андромеды, Дуняша! Туманностью! А к Маскараду я бы не отказалась иметь украшения Елены, - сказала Гликерия. - Те, что откопал Шлиман в Малой Азии. Или не откопал.

- Это доступнее, - сказал Шеврикука. - Если он их откопал. Тогда они могут быть и в Москве. Только неизвестно, в каких хранилищах.

- Елены! - не могла поверить Дуняша. - Это же Трубникова усохнет от зависти!

- Может быть, на Волхонке, - предположил Шеврикука. - А может быть, и в Подольске.

- Ты считаешь, Маскарад не отменят? - с надеждой, но и с сомнением спросила Дуняша.

- А какой резон отменять? - сказала Гликерия. - При любых обстоятельствах не будет резона отменять. Только приспособят или усовершенствуют сюжет Маскарада.

- А я уж было пала духом! - рассмеялась Дуняша. - Вдруг возьмут и отменят!

- Другое дело, - сказала Гликерия, - что мы с тобой можем оказаться не допущенными к Маскараду.

- Из-за меня? Из-за того, что я бросилась на Покровку? Или из-за всполошения?

- Из-за всполошения, - сказала Гликерия. - Из-за чужих интересов и зависти. Если мы проиграем...

- Ну нет! - решительно заявила Дуняша. - Нас не одолеют!

- Не должны одолеть, - согласилась Гликерия.

- Андромеда и Елена... - Шеврикука раздумывал вслух. - Здесь ведь есть и несовместимое... Хотя, конечно, как взглянуть. Но для Андромеды понадобится Персей, а для Елены - Парис. Где же вы теперь отыщете Персея с Парисом? Кстати, Персей не убоился Чудовища...

Опять - Чудовище... А может быть, Гликерии Андреевне нужна не Андромеда, а туманность?..

- Ты-то точно не годишься в Персеи и Парисы! - обрадовала Шеврикуку Дуняша. - Экое чучело!

- Я и не рвусь, - сказал Шеврикука.
- А вот в проводники мы все же согласились бы тебя взять!
- Премного благодарен, - Шеврикука прижал руку к груди. - Но я не желаю быть у вас в проводниках.
- Смотрите-ка, Гликерия Андреевна, он нам еще и дерзит!
- Оставь его, Дуняша.

Шеврикука встал.

- Видишь, - сказала Гликерия. - Все нужное ему он разузнал и теперь может идти дальше.
- Все разнюхал!
- Не будь так груба и вульгарна.
- Далеко не все из того, что меня интересовало, я разузнал и разнюхал, - сказал Шеврикука. - Например, мне так и не ясно, как вели себя Пелагеич и изверг Бушмелев и кто наблюдал за вами. Ну и не суть важно. Зато мне открылось, что в Гликерии Андреевне возникает непредвиденное. Уж при этом я быть вблизи нее не желаю.
- Ты, Шеврикука, - трус! - воскликнула Дуняша.
- Может, и трус. А может, у меня иные, нежели у вас, понятия о том, что происходит в нас и вокруг нас.
- Не огорчай его, Дуняша, - сказала Гликерия. - Не вызывай в нем необходимость отвечать. Он быстрее уйдет.

- Я не могу понять вашей деликатности, Гликерия Андреевна!

- Вы, Дуняша, - сказал Шеврикука, - чрезвычайно заблуждаетесь относительно деликатности Гликерии Андреевны.

- Он прав, - подтвердила Гликерия. - Ты заблуждаешься.

Теперь невылупившиеся птенцы, несомненно, знали, что они вырастут, взлетят, и что будут они не жаворонки, не мухоловки, не зарянки, а соколы или кордильерские кондоры. Но, похоже, знание этого и тяготило их.

- Он мелок и слаб, - сказала Гликерия.

- Справедливо, - согласился Шеврикука. - И потому зачем мне быть теперь вблизи дамы, связанной дурной клятвой.

- Что ты городишь! - Разгневанная Дуняша подскочила к Шеврикуке. - Что он городит! Он верит в эту сплетню! В эту гадость!

- Отойди от него! - Гликерия была не рассержена, а зла. - И разреши ему нас покинуть!

- Поклон вам, - сказал Шеврикука. - Оставайтесь с туманностями Андромеды и ценностями спартанской Елены. Кстати, неплохие украшения были и у Клеопатры.

- Все у нас будет! - Обещание Гликерии вышло чуть ли не торжественным. - Подумаем и об украшениях Клеопатры!

Но сразу же в гостиной Гликерии исчез свет и произошло потрясение. Первая мгновенная мысль Шеврикуки была: всполошение сокрушило преграды, стены и потолочные перекрытия и ворвалось в Апартаменты. Но тут же выяснилось: потрясение сейчас происходит не всеобщее, а частное. Свет вернулся, но посреди расширившегося до привычных своих пределов помещения дергалась и стонала исполинская серо-черная фигура. Вид она имела безобразный и лишь отчасти походила на фигуру человеческую. Твердых форм в ней как бы не было, а все состояло либо из газа, либо из странной жидкости. Можно было предположить, что голова (или нечто вроде головы) вторгшегося в гостиную Гликерии существа была укрыта капюшоном или маской. Вокруг тела его (тела ли?) колыхалась хламида или, по понятиям очередного столетия, плащ-палатка, опять же - из газа или из жидкости. Все в незваном фантоме словно бы плыло и переливалось, и все было неприятно. Гликерия с Дуняшей, в отличие от Шеврикуки, похоже, поняли, кто он такой и зачем он возник. Но и они не ожидали его появления. Дуняша выглядела ошеломленно-напуганной, Гликерия вскочила с музыкального стула, с силой опустила крышку фортепьяно, скорее и не опустила, грохнула ею, будто желала устрашить гостя. Но не устрашила, а, напротив, вызвала раздражение или гнев. Тело его бугрилось, дергались его руки или то, что можно было назвать руками, и что-то тонкое,

прямое возникало в них, способное уколоть, уязвить или даже погубить. Пришелец по-прежнему стонал, но теперь к стонам добавились клочкотание и хрипы. И некие спазматические, булькающие звуки стали сопровождать его движение. А двигался он к Гликерии, руки его обрели костяные пальцы, вытянулись и были готовы вцепиться в шею или плечи Гликерии. Дуняша прижалась к стене. Гликерия выпрямилась и стояла, будто согласная с гибелью, ни о чем не молила и ничем не возмущалась.

Шеврикука ринулся на пришельца, но, столкнувшись с ним, попал не в жидкое и не в газовый столп, а ударился о твердое. Его отбросило к ломберному столику, Шеврикука схватил стоявший там подсвечник и подсвечником стал бить серо-черного, разъяренного и ревущего исполина. К удивлению Шеврикуки, враг его (а может, и не враг, но в те мгновения - враг) начал отступать, взвизгнул, издал истерический вопль и пропал. Шеврикука обернулся, взглянул на Гликерию, та без сомнения была напугана, руку с перстнем держала вскинутой, и золото Пэрстовой вещицы горело, а потом стало тускнеть...

- Он вернется! - закричала Дуняша. - Он вернется! Не уходи, Шеврикука! Он придет со шпагой!

- Ну и что? - сказал Шеврикука и поставил подсвечник на ломберный столик. - Ему

положена шпага. А мне не положен и этот подсвечник.

- Вам, Шеврикука, положена кочерга, - сказала Гликерия.

- Да, - сказал Шеврикука. - Мне положена кочерга. И ухват. Но теперь я соглашусь быть у вас проводником.

- Вот теперь, - сказала Гликерия, - ни о какой услуге мы просить у вас не будем.

- Гликерия Андреевна! - воскликнула Дуняша. - Лика!

- Как пожелаете, - сказал Шеврикука. - Найти меня вам будет несложно.

(продолжение предполагается)

**Пускай исчезнет среди пыльных груд
Истлевших книг твой вдохновенный труд;
След твоего дыханья
в книге мира
Ни вечность, ни забвенье не сотрут.**

Э. Ананиашвили

Цитата номера:

**Всегда найдется
в Африке негр,
который будет
учить
скандинава
лыжному спорту.**

НЕЗАВИСИМЫЙ ИНТЕРНЕТ-ЖУРНАЛ

< И Б И С >

№ 40

Изготовлен в редакторе Word 9.0/2000. Выпускается на личные средства издателя. С иллюстрациями. Соответствует примерно 108 экраным страницам формата А4 шрифтом Arial 20 полужирным.

Периодичность — в зависимости от наличия высококачественных статей. В виде ZIP-файла журнал целиком (либо отдельными статьями в виде *.doc-файлов) можно бесплатно получить на [E-mail: eugenelev@fromru.com](mailto:eugenelev@fromru.com) (пароль — [academia](#)).

Цена дискеты с одним номером журнала — 30 руб.

С мнением авторов редакция согласна не всегда.

Для правильного чтения с экрана и просмотра рисунков необходимо установить режим разметки страницы («Print Layout View»), 75%, шрифт Arial 20 полужирный ("bold").

Приглашаются желающие публиковаться. Гонорары не выплачиваются, но постоянным авторам гарантируется улучшение кармы.

Реквизиты редакции:

Тел.: (095) 493-54-87

E-mail: eugenelev@fromru.com (пароль — academia)

**"Следует
всеми
силами
продвигать
знания о Тонком
мире."**

Агни Йога